

**Министерство образования
и науки Астраханской области**

**Областное государственное
общеобразовательное учреждение
«Школа одаренных детей им. А.П.Гужвина»**

**Изучение жизни и творчества
М.Петровых
на уроках литературы
в старших классах
*(Практическое пособие)***

Астрахань - 2008

*Посвящается 100-летию
Марии Сергеевны Петровых.*

Введение

Имя Марии Петровых (1908-1979) открылось читателям лишь в конце XX века. При жизни был опубликован единственный сборник её стихов в 1968 году в Ереване под названием «Дальнее дерево». О Марии Петровых знали как о талантливом переводчике, благодаря которому на русский язык были переведены стихи Болеслава Лесьмяна, Атанаса Далчева, Исаака Борисова, Сильвы Капутикян и др. Переводы имеют немалое значение для понимания творчества Марии Петровых. В предвоенные годы переводческая деятельность часто и надолго погружала поэтическое сознание Марии Петровых в обширные миры народной поэзии. Переводы в немалой степени способствовали и дальнейшему расширению границ её собственного поэтического мировосприятия. Переход от индивидуалистической замкнутости к полифоничности, к расширению горизонтов мира стимулировался большой переводческой работой. Эта работа выводила поэта к берегам общечеловеческой жизни, неизмеримо растянувшейся во времени и пространстве, обнажая перед ним закономерности социальных страстей, общечеловеческих потрясений, художественных вкусов. Мария Петровых всегда ощущала необходимость писать стихи, но менее всего стремилась в начале своего творческого пути к публикациям собственных стихотворений: «Я не носила стихов по редакциям. Было без слов понятно, что они «не в том ключе». Да и в голову не приходило ни мне, ни моим друзьям печатать свои стихи. Важно было одно: писать их».¹

Долгое время существовало мнение, что Мария Петровых публиковалась редко от огромной взыскательности к себе. Мария Петровых знала истинную цену своим стихам, всегда обладала высокой репутацией в кругах литературной элиты. Б.Пастернак, О.Мандельштам, П.Антокольский восхищались её стихами. По свидетельству Я.Хелемского, в превосходной степени говорили о творчестве Марии Петровых такие разные художники слова, как С.Маршак, Н.Заболоцкий, А.Фадеев. Даже не щедрая на похвалы А.Ахматова назвала её стихи «самобытными и точными». О поэтическом сборнике Марии Петровых «Предназначенье» Я.Хелемский пишет: «Какая открытость чувства таится в этих негромких, лишь изредка взрывающихся строках! Как естественно слиты страдание и необоримость, сила и слабость, твердость и доброта. И какая это подлинная поэзия!».²

О необходимости издания стихов Марии Петровых впервые заговорили Б.Пастернак, Н.Асеев и К.Кулиев. Под давлением друзей она

Рецензенты: **О.Е.Романовская**, кандидат филологических наук,
старший преподаватель кафедры Русской литературы
XX века АГУ
В.К.Калашникова, учитель русского языка и литературы

Составитель: **О.Р.Парасотченко**, учитель литературы
ОГОУ «Школы одаренных детей им. А.П.Гужвина»

© ШОД, 2008

¹Петровых М. Избранное. М., 1991. С.347

²Хелемский Я. Несуетный урок: Воспоминания о поэтессе М.Петровых / Дружба народов. 1996, №9, С.228.

подготовила рукопись книги и отнесла в издательство «Советский писатель». В сентябре 1942 года в Москве в Союзе писателей состоялся её поэтический вечер. Могла ли думать Мария Петровых, что получит не просто отрицательные рецензии, а оскорбительные, незаслуженно жесткие. Ей навсегда была закрыта дорога в большую литературу. Этому есть своё объяснение. В 1936 году Мария Петровых вышла замуж за музыковеда В.Д.Головачёва, а в июне 1937 года В.Д.Головачёв был арестован, осужден на пять лет лагерей и сослан в Медвежьегорск (Карелия), где 1942 году скончался. «Жена врага народа» – Мария Петровых не имела права быть услышанной, не имела права называться советским поэтом. Тогда-то ей и помогла выжить переводческая работа, которую она выполняла безукоризненно, талантливо, не нарушая поэтической гармонии, глубоко и тонко чувствуя, как настоящий поэт, чужие строки. Переводы стали её «хлебом». И если Б.Пастернак искал в переводах выхода творческой энергии: «Личное творчество кончилось, я ушёл в переводы», то для Марии Петровых переводы стали средством к существованию. На руках была больная мать и маленькая дочь. Но ей не свойственно было уныние. Как истинно верующий человек она не имела права унывать, опускать руки, а как истинный поэт могла передавать свое эмоциональное состояние стихами.

Отсутствие творческой и человеческой свободы привело Марию Петровых к литературному заточению. Лишь в преклонные годы получила Мария Петровых возможность (только отчасти) обнародовать свой поэтический талант. Очевидно, что в условиях свободы её поэтический талант выявился бы отчетливее. Всё же, как истинный поэт, Мария Петровых не отказалась от дарованного ей Богом поэтического предназначения. Глубоко переживая «муки немоты», Мария Петровых писала стихи – негромкие, но яркие и талантливые.

Имя Марии Петровых привлекло внимание читателей, когда в журнале «Вопросы литературы» (№4) в 1965 году Анна Ахматова заявила, что стихотворение Марии Петровых «Назначь мне свиданье на этом свете...» – «шедевр лирики последних лет». Высоко ценил дарование Марии Петровых и Борис Пастернак, об этом говорит стихотворение поэта, опубликованное Р.Порманом в журнале «Русская литература» (1966 год, №3). В 1991 году в свет вышла книга «Мария Петровых. Избранное». А.М. Гелескул во вступительной статье «О Марии Петровых» сделал попытку проанализировать её творчество. Тогда впервые прозвучала мысль о том, что Мария Петровых – не только талантливый переводчик, но и даровитый художник, чья поэзия «существовала как-то замуравано – не явно и не подпольно, а в

ином, четвёртом измерении, доступном лишь для считанных друзей».¹ А.М. Гелескул был одним из первых, кто обозначил проблематику стихотворений Марии Петровых. В 1996 году в журнале «Дружба народов» появилась публикация Хелемского Я. «Несуетный урок: Воспоминания о поэтессе М.Петровых», которая помогла расширить представление о творчестве Марии Петровых. Особое внимание автора было обращено к военно-патриотическим стихотворениям, созданным Марией Петровых в 1942 году. В том же году впервые была опубликована в журнале «Вопросы литературы» переписка Марии Петровых с Атанасом Далчевым. Письма позволили представить Марию Петровых прежде всего как человека мыслящего, способного видеть прекрасное, чувствовать поэзию. Спустя два года в журнале «Знамя» опубликована статья Е.Ефимова «Моя роковая звезда». Вниманию читателей была подробно представлена драматическая история о неудавшейся попытке издания первого поэтического сборника Марии Петровых. Именно эта статья приоткрыла главную суть проблемы отсутствия публикаций стихотворений Марии Петровых в 40-е–50-е годы.

В 2000 году вышел в свет поэтический сборник Марии Петровых «Назначь мне свиданье!», в котором стихотворения поэта чередуются с черновыми набросками, фотографиями, дневниковыми записями Марии Петровых и воспоминаниями её друзей. Перед читателями впервые возник сам образ Марии Петровых: «...Существо хрупкое, ничем не защищённое, кроме своего тихого обаяния. Лицо неброское, но прелестное, ...серые глаза, вззирающие на мир почти кротко».² Воспоминания друзей помогают увидеть Марию Петровых как яркого поэта и большого человека. В статьях А.Тарковского, Д.Самойлова, Ю.Нейман, Л.Мкртчян даётся оценка её творчества. О некоторых наиболее важных этапах жизни Марии Петровых узнаём из воспоминаний В.Купченко, Е.Николаевской, Л.Озерова, Е.Ольшанской.

Лирика Марии Петровых являет собой небывалый синтез тонкого чувства и глубокой мысли. Ей свойственна эмоциональная выразительность и редкая лирическая изобразительность, краткость и смысловая ёмкость. В лирике Марии Петровых тесным образом сочетались смелое новаторство и следование классическим традициям. Мария Петровых была близка к самой главной, исходной литературной традиции – пушкинской. Пушкинское представление об искусстве как «священной жертве» претворяется у Марии Петровых в провозглашении единственной «цели творчества» – в «уменье домолчаться до стихов», в стремлении к слиянию поэзии и жизни. Мария Петровых

¹Гелескул А.М. О Марии Петровых. // Мария Петровых. Избранное. М., 1991. С.3.

²Хелемский Я. Ветви одного ствола. // Мария Петровых. Назначь мне свиданье! М.: 2000. С.165.

изучала творчество А.С.Пушкина как профессиональный литературовед, раскрывала его тайнопись. Мария Петровых всегда стремилась ориентироваться на поэта-предшественника, о чём свидетельствуют не только отсылки к пушкинским текстам, но и невольное интуитивное присутствие его мотивов, образов, тем, ритмов.

«Классичность» стихов Марии Петровых связана и с именем Ф.И.Тютчева. Поэтов роднит живое чувство неразрывной цельности бытия. Эстетика и поэтика Марии Петровых и Ф.И.Тютчева в наибольшей степени основывается на представлении о слитности чувственно-окружающего поэта мира, где невозможно отделить человека от природы, а поэзию от жизни.

Развивая мотивы А.С.Пушкина, Ф.И.Тютчева, Мария Петровых опирается на опыт классики в философском осмыслении лирических тем, сближаясь в этом из современников с Б.Пастернаком, М.Волошиным, А.Ахматовой, М.Цветаевой, О.Мандельштамом. Поэзия Марии Петровых – палимпсест, вбирающий в себя опыт и русской, и мировой культур. Стихотворная ткань пронизана реминисценциями и аллюзиями из лирических произведений Анны Ахматовой и Марины Цветаевой, но у Марии Петровых был свой путь в поэзии. Отражение имен Анны Ахматовой и Марины Цветаевой в поэзии Марии Петровых воссоздаёт незримую исконную связь поэтических традиций. Для Марии Петровых быть в традиции – значит быть на высоте своего назначения, быть в непреложном русле культуры. «Петровых писала в традиционном ключе и думала об одном – суметь бы», – так писал о Марии Петровых Л.Мкртчян.¹

Мария Петровых стремилась не просто воспроизвести жизнь во всей её узнаваемости и конкретности, она старалась отразить глубинную сущность бытия, что говорит о философской направленности её лирики.

Лирику Марии Петровых трудно разделить на тематические разделы, так как в каждом стихотворении автор стремится от частных переходить к глубокому обобщению. Какая бы проблема ни стала импульсом к созданию лирического произведения – любовь, творчество, природа, окружающая действительность, – во всём Мария Петровых видела проявление единых закономерностей бытия. Необычайно значима, в её представлении, роль художника, способность постичь возвышенность божественного замысла, осуществляемого на земле. Стихи Марии Петровых отличает особая музыкальность, неповторимый ритм, чувственная интонация. Не случайно сегодня всё чаще звучат лирические песни и романсы, созданные на стихи Марии Петровых.

При всей своей романтичности Мария Петровых ещё в юности не

¹Мкртчян Л. Поэт // В кн. Петровых М. Назначь мне свиданье. М., 2000. С.262.

поддалась соблазнам безжизненного, мнимого, многозначительного декаданса. Никому не подражая, она заговорила вполне взрослыми стихами. Арсений Тарковский сказал об этом так: «Глубина замысла и способность к особому словосочетанию делают её стихи ярким явлением в нашей поэзии. Слова в стихах М.Петровых светятся, загораются одно от другого, соседнего. Тайна поэзии Петровых – тайна сильной мысли и обогащённого слова...».¹

Мария Петровых хотела быть разнообразной, она искала в поэзии различные пути. Лирику Марии Петровых сложно отнести к определённым литературным течениям, она необычайно своеобразна. Даже касаясь патриотической темы – темы войны 1941-1945 гг., Мария Петровых пишет об этом без пафоса и напряжения, без декламаций и призывов. Её стихотворения о войне пронизаны трагизмом и словно растворены в чувственном.

Особое место в лирике Марии Петровых занимают стихотворения, созданные в 1930-1934 годах, когда Мария Петровых, вдохновлённая красотой Коктебеля, обращается к идеям антропокосмизма. Целый цикл стихотворений, который можно назвать «волошинским», отличает глубина философской мысли.

В лирике Марии Петровых на всём протяжении её творческого пути развивается тема любви. В её воплощении психологическая конкретика сочетается со стремлением философски осмыслить события душевной жизни, придать субъективным переживаниям лирической героини обобщённый смысл. Драматизм мировосприятия, характерный для лирической героини Марии Петровых, придаёт любовной лирике особую проникновенность.

¹Петровых М. Назначь мне свиданье // Вступ.ст. Тарковского А. М., 2000. С.8

Глава 1. Основные этапы жизни и творчества Марии Петровых

§1. На пути обретения творческой индивидуальности.

Говоря об «эволюции» творчества того или иного поэта, чаще всего определяют конкретные этапы. В отношении же творчества Марии Петровых сделать это невозможно. Мария Петровых писала свои стихи больше всего в молодости /конец 20-х – начало 30-х годов/; в годы войны /1942-1944/; в пятидесятые годы, в начале шестидесятых, в конце 1967 года. Как видим, перерывы длительны, но более всего мучительны были для самой поэтессы, что неизбежно сказалось на тематике стихов.

Любовь к поэзии пришла к Марии Петровых еще в детстве. В 6 лет «сочинила» она первое стихотворение, что привело «юную поэтессу» в неопишуемый восторг: «Я воспринимала это как чудо, и с тех пор всё началось, и мне кажется, моё отношение к возникновению стихов с тех пор изменилось»¹. Родилась Мария Петровых в Ярославле, точнее в Норском Посаде под Ярославлем. Место дивное: крутой берег Волги – гористый, с оврагами (в одном из этих оврагов протекала речонка Нора, отсюда, - Норское), на крутых горах церкви (три церкви в Норском посаде и четвертая подальше – в селе Норском), леса кругом чудесные:

На горизонте лес зубчатый,
Таинственный, волшебный лес.
Там, в чаще, – угол непочатый
Видений, страхов и чудес.²

(«Сказка», 1955; 2. С.174)

Девочек – Катю и Марию (Мария – младшая из пятерых детей в семье), готовили к поступлению в гимназию, где учиться им так и не пришлось. Обучение продолжилось в норско-посадской школе, а потом в Ярославской им. Некрасова.

Как-то особенно трогательно воспринимаются дневниковые записи Марии Петровых о детстве: «Неужели начать с самого начала, как я хожу и дую в дудку – не в дудку, а в длинную катушку – прядильной фабрики, где работает отец мой – инженер-технолог? ... Два окна – в сад, так же как и в папиной – маминой комнате рядом, и дальше – в столовой, в саду – деревья – березы, два больших кедра, и много кустарников – жасмин, шиповник. От деревьев в этих комнатах всегда темновато и прохладно. А окошко нашей детской выходит во

двор на юг и комната веселее, светлее... Я хожу и дую в воображаемую дудку, чувство победное – звук получается».¹

В самое трудное время Марию Петровых спасали воспоминания о детстве. Редко кто из русских писателей и поэтов рассказывал о своем детстве, как о сказке. Одно из стихотворений Марии Петровых так и называется «Сказка». Мечтательная, восторженная Мария Петровых воспринимала родной дом – волшебным замком, маму (Файну Александровну) – феей, себя – королевой:

Вот королевич серым волком
Подходит к замку на горе...
Неверный свет скользит по елкам,
По черным елкам в серебре.

Спит королева непробудно,
И замок в чарах забытья.
Самой себе признаться трудно,
Что королева – это я...

«Чувство мамы» – вероятно, самое первое, – будет вспоминать позднее Мария Петровых. В дневнике сохранилась ещё одна запись: «В 5 лет под маминым водительством я училась писать – за тем самым столом, который теперь у Инны Лиснянской. Когда-то стол был покрыт зеленым сукном – мамин стол. Это уже в другой комнате, которая иногда была нашей, т. е. Катиной и моей. Помню, как мы укладывались спать и перед сном – в ночных кофточках, на коленях читали молитвы «на сон грядущий». И мама с нами.

Мама – всегда красивая, беспредельно любимая. У нас с Катей любовь к ней доходила до обожания, до культа»². «Детство мое! Кажется, ни у кого не было такого хорошего»,³ – писала Мария Петровых в своём дневнике. «Сочинительство» давалось ей нелегко. Но главное, она никому не читала своих стихов, кроме Кати и мамы. Всё больше юная Мария Петровых понимала, что нужно «расширять своё пространство», необходимо общение с другими начинающими поэтами. Ей было нужно, чтобы её стихи не просто слушали, а научили прислушиваться к своему внутреннему голосу.

Еще не раз обратится Мария Петровых в своём творчестве к теме детства. В 1930 году она напишет стихотворение «Сон», посвящённое своей любимой сестре Кате. Проникновенные строки, простота и притягательность стиха будто дополняют мысль о том, что детство – короткий миг, как сон, но удивительно добрый, теплый, о котором в самые трудные минуты жизни приятно вспоминать:

¹Петровых М. Избранное. - М. 1991. - С.346.

²Здесь и далее стихотворения Марии Петровых цит. по: 1. Петровых М. Избранное. – М., 1991; 2. Петровых М. Назначь мне свиданье! – М., 2000. (В скобках указывается название стихотворения, дата создания, номер сборника и номер страницы).

¹Петровых М. Назначь мне свиданье. - М., 2000. - С.342.

²Петровых М. Избранное. - М., 1991.- С.343.

³Там же.

Думаешь, наверно, что, любя,
Утешаю сказками тебя.
Детство что! И начинаешь ты
Милые, печальные мечты.
Мы с тобою настрадались всласть.
Видно, молодость не удалась,
Если в 22 и в 25
Стали мы о старости мечтать.

В темной глубине зрачков твоих
Горечи хватает на двоих.
Но засмейся, вспомни старый сад...
Это было жизнь тому назад.

В 15 лет Мария Петровых стала посещать собрания Союза поэтов в Ярославле. Пройдет много лет, и в 1967г. в Галицино Мария Петровых сделает запись в дневнике: «Зимой поэты собирались в какой-то библиотеке, усаживаясь между стеллажами, это было и забавно и неудобно: часто не видно было читающего, но молодые были все и никакие мелочи, никакие неудобства никого не огорчали.

Атмосфера на этих собраниях была прекрасная – горячая, бескорыстная любовь к поэзии, искренняя радость от чужой удачи, взыскательность – прежде всего по отношению к себе, и хотя во многих стихах было много грусти, встречи поэтов чаще всего были весёлыми и всегда – светлыми.

Грустно мне, что только теперь, когда пишу эти строки, я как будто впервые до конца поняла – какую же большую роль в моем духовном формировании сыграло это прекрасное содружество поэтов».¹

Запомнились Марии Петровых те далёкие вечера, когда собрания устраивались летом на пристани: «Молодые поэты (самому старшему было вряд ли более 25 лет) ? читают стихи, обсуждают их, разговаривают о прочитанных книгах, о живописи – обо всем».²

Мария Петровых, не окончив школу, уже была принята в Ярославское отделение Союза поэтов, а потом – Москва, высшие государственные литературные курсы, Московский университет. На одном курсе с Марией Петровых учились Арсений Тарковский, Юлия Нейман. За год до открытия курсов умер В. Брюсов, тогда же был закрыт Литературный институт. «Наследниками» Брюсовского института в Москве оказались курсы ВГЛК. И.С.Рукавишников был на курсе главным стиховедом. Среди преподавательского состава выделялись пушкинист М.А. Цявловский, Н.К.Гудзия – прекрасный знаток древ-

нерусской литературы и творчества Л.Н.Толстого, А.П.Гроссман – автор фундаментальных трудов по русской классике. Мария Петровых в ту пору была увлечена изучением творчества Аполлона Григорьева, с огромным удовольствием посещала лекции К.Г.Локса, обожала С.И.Соболевского, который свободно говорил на латыни и знал древнегреческий. На курсах читались только образцы подлинной поэзии. Читали в ту пору очень много. Посещали Ленинскую библиотеку, но как признается позднее Мария Петровых, «почти у всех удивительно мало реальных знаний».

«Много писали стихов, совсем еще не помышляли о переводах. Молодость моя как-то странно соединяла в себе мучительную тоску и безудержную веселость. Вероятно, это у многих так... В голову не приходило ни мне, ни моим друзьям печатать свои стихи. Важно было одно: писать их»¹, – вспоминала Мария Петровых. В 1934 г. поэт Георгий Аркадьевич Шенгели, пришедший на работу в Гослитиздат в качестве редактора отдела литературы народов СССР, предложил молодым поэтам – А.Штейнбергу, А.Тарковскому, С.Липкину, Марии Петровых работать над переводами. Первой переводческой работой Марии Петровых был перевод стихов (глав из поэмы) еврейского поэта Переца Маркиша. Мария Петровых признавала, что переводы получались не сразу. Тайну переводческого искусства её научил постигать Арсений Тарковский. Перед самой войной в 1940 году Мария Петровых переводит книгу стихов туркменского классика Молла Непеса. В этой работе ей помогли советы всё того же Арсения Тарковского. Переводческая работа захватывала. Но более всего восхищало Марию Петровых ощущение родства с поэтом, чьи стихи она начинала переводить. «Всегда, когда я читаю новый сборник поэта, которого я знаю и люблю – я имею в виду переводной сборник, – я угадываю переводы М. Петровых сразу, безошибочно – и это не моя доблесть, а особенность голоса Марии Сергеевны, исполнительского ее мастерства», – с восхищением отзывалась Елена Николаевская о переводах Петровых.²

Арсений Тарковский и друзья его юности – Аркадий Штейнберг, Семён Липкин, Мария Петровых занимались переводами с особым увлечением. Нельзя утверждать наверняка, что занятие переводами вредило их оригинальному творчеству, но, несомненно, переводы отнимали большое количество энергии, и, главное, к сожалению, не всегда удавалось переводить то, что хотелось. Вот отсюда и шли порча и «потрава», те «переводизмы», которые приходилось преодолевать. И всё же все названные, и среди них Арсений Тарковский, сумели написать свои стихи.

¹Петровых М. Избранное. - М., 1991. - С.346.

²Там же.

¹Петровых М. Назначь мне свиданье! - М., 2000. - С.134

²Николаевская Е. Тайна. // Петровых М. Назначь мне свиданье! - М., 2000. - С.134.

В далёкие сороковые Марии Петровых мечталось о счастливой поэтической судьбе, но судьба оказалась беспощадной. Грозный 1941-й принес с собой не радужное вдохновение, а душевную боль, бесконечную горечь утрат и разочарования:

О чем ни подумай – война, война.
Наш спутник угрюмый – она одна,
Чем дальше от битвы, тем сердцу тесней...
Тем горше с ней.
(«*Проснемся, уснем ли – война, война*», 1942; 2.С.105)

В июле 1941 года в город Чистополь (Татария) эвакуировались писатели с семьями, в числе которых была и Мария Петровых с четырёхлетней дочерью. Это было время необычайной душевной сплочённости, единства, глубокого внимания друг к другу:

Если б не росли могилы
В дальнем грохоте войны,
Как бы я тебя любила,
Город, поневоле милый.
Город грозной тишины!
(«*Чистополь*», 1943; 1.С.37)

В Чистополе был Б.Пастернак, Н.Асеев. Были крупные прозаики Л.Леонов, К.Фадеев, К.Тренёв, П.Павленко. Здесь же впервые состоялись чтения Марии Петровых. Самым близким в ту пору для Марии Петровых стал Борис Пастернак. С Борисом Пастернаком Мария Петровых познакомилась ещё в Москве в 1928 году у своего учителя – профессора К.Г.Локса – друга Бориса Пастернака. В 1934 году, когда Мария Петровых читала свои стихотворения в присутствии Анны Ахматовой, Осипа Мандельштама, Бориса Пастернака. Юная поэтесса услышала от Бориса Пастернака одобрения и призыв к большей смелости, с тех пор Борис Пастернак стал для Марии Петровых и другом, и учителем. «Всесильный бог деталей» - так отзывалась о нём Мария Петровых.

В Чистополе Мария Петровых ощущала поддержку. В доме учителя, при керосиновой лампе проходили замечательные литературные вечера. Л.Леонов тогда писал пьесу «Нашествие» и читал «публике». К.Федин работал над книгой «Горький среди нас». Борис Пастернак работал над переводом драмы «Ромео и Джульетта». И, казалось, будто не было войны. Но с фронта приезжали П.Павленко, С.Липкин, шли горячие споры о том, как победить врага, какую силу нужно иметь? Что может сделать для этого человек искусства? Воодушевлять! Ведь есть кисти и холст, есть перо и бумага, есть музыка. Мария Петровых оказалась в числе первых, кто стихом своим, талантом го-

тов был воодушевить. И вскоре в одном из номеров журнала «Знамя» появились стихи Марии Петровых. Стихи занимали всего две странички. Щедрая фантазия уступила место драматической реальности. Пришли строки простые, засушенные, строгие. С какой естественностью звучали четверостишия, написанные где-то в тылу:

Ночью здесь такая тишина!
Звезды опускаются на крышу,
Но, как все, я здесь оглушена
Грохотом, которого не слышу.
(«*Завтра день рожденья твоего*», 1942; 1. С.24).

Страдания почти не вырываются наружу. Печаль, мужество, гнев – всё негромко. Радость тоже звучит сдержанно. Достоверность чувства не нуждается в усилении, в патетике. Стихи эти запомнились многим. Хочется подчеркнуть, что в том номере журнала были очередные главы «Василия Теркина» А. Твардовского, симоновская повесть «Дни и ночи», блокадные стихи Ольги Берггольц, фронтовой очерк Андрея Платонова. Классика военных лет! И в таком окружении появился цикл малоизвестной в ту пору Марии Петровых. И если при этом навсегда запомнились многим её «Знаменские» стихотворения, значит, они по праву соседствуют с произведениями, ныне хрестоматийными.

В 1942 году в Карелии в спецлагере умирает муж Марии Петровых Б.Д. Головачёв – библиограф, музыковед. В стихах того периода личное горе сливается в одно страдание о судьбе своего народа.

После многих лет, проведённых с Анной Ахматовой, Осипом Мандельштамом и другими великими и вечными «изгоями», в Чистополе Мария Петровых оказалась, наконец, в более или менее естественной литературной среде. Чистополь, забытый богом городишко, месяцами отрезанный ледоставом от большой земли с его примитивными, пещерными, по выражению К. Фебина, условиями бытия стал для Марии Петровых «городом поневоле милым», городом её сердца. В Чистополе она впервые получила широкое и громкое признание как поэт.

Восторженный Борис Пастернак причислил Марию Петровых к «лучшим среди живых». Самуил Галкин, встретив в Казани совершенно незнакомого ему тогда Григория Левина, первым делом принялся рассказывать о блистательном успехе стихов Марии Петровых. К.Федин сообщал Н.И.Никитину из Чистополя в Москву: «Обнаружилась замечательная поэтесса Мария Петровых – запомни!»¹

Немудрено, что весть о новой литературной сенсации очень скоро достигла Правления Союза Советских Писателей. 19 августа оттуда последовал отклик:

¹Ефремов Е. «Моя роковая звезда» // Знамя. 1998. №12. - С.123.

«Уважаемая Мария Сергеевна!

Мне удалось познакомиться со многими из Ваших стихов. Не помню, кто их показал мне. Стихи Ваши, несомненно, талантливы: – они пронизаны подлинным чувством и в этом смысле правдивы. Но им присущ, с моей точки зрения, большой недостаток: на подавляющем большинстве из них нет меты времени, они могли быть написаны в любое время. К сожалению, это не дает стихам качества вечности, а наоборот, и это делает их похожими на многие стихи, написанные раньше. А между тем, мне кажется, даже о самых интимных чувствах, связанных с детьми, с семьей, с любимым человеком, с другом, можно было бы сказать так много нового, никогда и никому неведомого, что раскрыла и осветила в людях отечественная война с ее масштабами, с ее неимоверными тягестями и проявляющемся не только на фронте, но и в буднях быта, в тылу, в самом рядовом человеке. Мне кажется, что это новое необыкновенное можно увидеть в Чистополе, только надо уметь и хотеть видеть. Если Вы не возражаете, я прошу Вас прислать в Союз на мое имя все, что Вы написали, и присылать в дальнейшем всё, что Вы напишете.

*С приветом
А. Фадеев»¹*

В автобиографии Мария Петровых упоминает, что разговор об издании её книги зашёл в конце 1942 года в Москве. Но, вероятно, возникал он и в Чистополе. Уезжая оттуда, Мария Петровых подарила ботанику В.Д.Авдееву, в чьём гостеприимном доме проходили литературные вечера с её участием, большую рукопись, озаглавленную «Мария Петровых. Стихи». По существу это была готовая книга. В Чистополе книги не печатались. Естественно, что взоры писателей, именитых, и не очень, устремлялись к Москве. Однако попасть в Москву без правительственного пропуска в то отчаянное для страны время было невозможным делом. К.Тренев, член Президиума ССП, несколько дней просидел с чемоданами на пристани: опоздала вызывная телеграмма, и его не пускали на пароход.

В конце августа – начале сентября 1942 года, когда Мария Петровых получила письмо А.А.Фадеева, Борису Пастернаку доставили другое – из Пресс-бюро, также за подписью главы Союза, – с просьбой прислать новые стихи для публикации в центральной печати. Подобные письма в годы войны рассылались всем эвакуированным литераторам и служили им, главным образом, моральной поддержкой. Борис Пастернак воспользовался этим, в общем-то, формальным письмом как поводом, чтобы заговорить с А.Фадеевым о более важных вещах:

«3.09.42.

...Прости, что пишу второпях. Сел я тебе писать собственно не о себе, а о Марии Петровых. Она очень талантливый человек и если бы она жила припеваючи, это было бы только естественно и справедливо, и на пользу всем. Но она очень далека от таких притязаний и удовольствовалась бы, если бы ей жилось хоть мало-мальски сносно. Это надо обязательно устроить, союз или Чагин должны заключить с ней договор на объёмистую и прибыльную переводную работу. Дай, пожалуйста, распоряжение в этом надлежащему отделу.

Твой Б. Пастернак»¹

Заметим, что Борис Пастернак, хлопоча о вызове, говорит о себе и о Марии Петровых лишь как о переводчиках, на возвращение или командировку в столицу могли тогда надеяться только две категории литераторов: занимавшие ответственные посты и... переводчики. (От чего-то в годы войны на последних был особенно большой спрос – в какой бы области и с какими языками они не работали).

Это письмо Бориса Пастернака А.Фадееву и телеграмма Марии Петровых К.Федину, находившемуся в Москве, возымели действие. Оргсекретарь Союза П.Г.Скосырев разрешил Марии Петровых «командировку сроком три недели для выполнения срочного задания Нацбюро» и лично проследил, чтобы вызов ей был послан.

В Москве творческая жизнь Марии Петровых не ограничилась выполнением срочного задания Нацбюро: переводами стихов литовской поэтессы Саломеи Нерис, Мария Петровых продолжала создавать собственные стихотворения.

Конечно же, на вечере Марии Петровых в «каминной комнате» Союза Писателей присутствовали не только чистопольские поклонники. Союз Писателей – изначально бойкое место, а в годы войны и вовсе, по словам Л.Лебединской, «напоминал вокзал или пересадочный пункт». «Все выступавшие говорили о необходимости издания моей книги, но из этого ничего не вышло»², - скупко сообщает в автобиографии Мария Петровых. Что же случилось, почему же не вышло? Ответ на этот вопрос хранится в материалах Российского Государственного Архива Литературы и Искусства. Действительно, в годы войны многие издательства были закрыты или эвакуировались из Москвы, но основные литературные – «Советский Писатель» и «Гослитиздат» – работали. Мария Петровых не пренебрегла уговорами друзей, в конце 1942-го подготовила свою книгу для «Советского Писателя». Этой книги в фонде издательства нет, но по цитатам из рецензий на нее и рукописи, подаренной в Чистополе В.Д.Авдееву,

¹Фадеев А. Материалы и исследования. - М.,1997. - С.183 - 184.

¹Ефремов Е. «Моя роковая звезда» // Знамя. 1998. № 12. - С. 126.

²Петровых М. Назначь мне свиданье! - М., 2000. - С.44.

можно представить себе её состав и объем. В книгу вошли, главным образом, стихи 1929-1936гг. и несколько 1941-1942-го, написанные в эвакуации и в Москве: примерно шестьдесят - семьдесят машинописных страниц. Отбор Мария Петровых произвела строгий, да и «Советский Писатель» в ту пору печатал стихи лишь крошечными, в шестьдесят четвертую долю листа, книжечками.

Издательство передало сборник Марии Петровых на отзыв Е.Книпович и В.Виленкину. Первое имя не удивляет, но сразу настораживает. Интеллигентная и образованная Е.Книпович, некогда приятельница А.Блока, как показывает знакомство с её бесчисленными «внутренними» рецензиями, служила в литературе кем-то вроде могильщика: сноровисто и со вкусом она могла похоронить любого автора, любую рукопись. За то и ценилась издательствами и руководителями Союза. Участие же в рецензировании книги Марии Петровых В.Виленкина представляется более чем странным. Известный, главным образом, в театральных кругах, как заведующий литературной частью МХАТа, тридцатилетний В.Виленкин в годы войны много и охотно сотрудничал с издательствами и редакциями. Он хорошо разбирался в поэзии, боготворил Анну Ахматову и Бориса Пастернака, искал дружбы с ними и вряд ли мог знать об их отношениях к стихам и личности Марии Петровых...

Оба рецензента выполнили поручение «с душой» и без проволочек – в первых числах нового, 1943 года отзывы поступили в «Советский Писатель» и 13 января обсуждались на заседании Редсовета. Вот лишь некоторые выдержки из документации:

Е. Книпович:

«Творческий облик Марии Петровых (об этом свидетельствует и особенности её поэзии, и те даты, которые стоят под частью стихов, вошедших в сборник), очевидно, складывался в те годы, когда лирика у большинства поэтов была не в чести. Но гонимая в дверь – она врывается в окна, причем такой способ проникновения в жизнь, естественно, наносил ей тяжкие увечья. Эта узость, замкнутость, метафизичность поэтического мира М. Петровых особенно резко сказались на стихах, посвященных сегодняшнему дню, войне.

Всё это тем более грустно, что М. Петровых поэт, несомненно, одарённый, обладающий большой поэтической культурой, мастерством, чувством языка, слова. Но все это живет и кипит в маленьком, замкнутом мире...

Самостоятельны ли стихи М. Петровых? Внешне – да. То переписывание хороших и дурных образцов, которым нередко грешат многие поэты, ей совершенно не свойственно. Однако более глубокая, и более опасная зависимость от чужого творчества в её стихах всё-таки есть...

...Её стихи часто несамостоятельны в самой музыкальной основе, в самом ритмическом рисунке, только что выделяющемся из «густоты» (если принять этот термин Маяковского).

Какой же вывод? Темпераментность, искренность, четкость и «кипение» ритма, чувство слова, богатство рифм, общая одарённость стихов М. Петровых – вне всякого сомнения.

И всё же я думаю, что нужны они будут только двум и очень узким категориям читателей. Во-первых, «интеллигентным» одиноким, замкнутым в себе людям (преимущественно женщинам), во-вторых, любителям мастерства форм, как таковых».¹

А вот мнение В. Виленкина:

«Читая книгу стихов М. Петровых, я плохо представляю себе читателя, которому она может быть адресована в наши дни. Дело в том, что сложность ассоциативных образов, не доведенная до настоящей поэтической ясности, исключает общедоступность этих стихов... Поэзия Петровых – вся в прошлом, она кажется довольно изжитой. Почти все стихотворения Петровых написаны в традиции женской лирики 10-20-х гг. Собственно близко подводит Петровых к поэзии Пастернака смешение чувственного и философического в восприятии природы. Но насколько органичнее и глубже оно у Пастернака!».²

Эти рецензии, созвучные по критическому тону и заключению, повидимому, все же не удовлетворили Редсовет: возможно, ссылки на отдельные удачи и талантливость подсудимого автора заставили насторожиться. К тому же в отзыве Е. Книпович /небывалое!/ слышится нечто вроде сочувствия, конечно, и та и другая рецензии позволяют издательству с полным основанием отвергнуть книгу. Тем не менее, совет принимает иное, несколько неожиданное решение: «Дать книгу на дополнительную читку тов. Митрофанову и тов. Резнику». Романист

Д.Митрофанов выполнил поручение 20 января:

«Боюсь, что стихи эти не порадуют ни рядового читателя, ни знатка. Первого они отпугнут всяческими литературными реминисценциями и сложностью. А второй предпочтет, конечно, обратиться к первоисточникам: Пастернаку, Цветаевой и другим, у которых М. Петровых более или менее заимствует ритм, построение фразы и – что всего печальнее! – их дух, их – а не ее! – чувство, поэтическое осмысление жизни.

Лирика Петровых кажется нам устаревшей и ущербной...».³

Точка зрения О.Резника, известного критика и, одновременно, секретаря парторганизации Союза Писателей оформилась 2 февраля: «Стихи Марии Петровых производят двойственное впечатление. За них как будто говорит поэтическая умелость, версификаторское мастерство, против – всё, что по существу определяет смысл советс-

¹Ефремов Е. «Моя роковая звезда» // Знамя. 1998. № 12. - С.128.

²Ефремов Е. «Моя роковая звезда» //Знамя. 1998. № 12. - С.129.

³Ефремов Е. «Моя роковая звезда» //Знамя. 1998. № 12. - С.130-131.

кой поэзии. По тону, по настроению, по литературной манере - это поэтическая архаика, в которой легко обнаружить осколок влияний ряда бывших поэтических школ (преимущественно символизма).

По характеру чувств и философской настроенности стихи эти бесконечно удалены от нашего времени, если не вдаль прошлого, то в мнимую заоблачную даль. К сожалению, эта характеристика относится не только к вещам, написанным несколько лет назад, но и к тем стихотворениям, над которыми стоит дата – 1942 год... Можно сколько угодно говорить о талантливости Марии Петровых. Это уже стало чистопольской литературной легендой о рождении поэтического гения. Но если прямо и честно глядеть на искусство, то придется признать, что перед нами не поэтический талант, а всего лишь версификаторская уместность».¹

Итак, критики словно соревновались друг с другом, кто больше ударит Марию Петровых, кто с большей издёвкой удостоверит, что она никуда не годный поэт, да и не поэт вовсе, а версификатор, эпигон, мнимость в литературе.

Издательские правила предусматривают ознакомление автора с рецензиями, поступившими на его книгу. Едва ли Марии Петровых показали все «отзывы». Во всяком случае, по мнению её дочери Арины Витальевны Головачёвой, рецензию В.Виленина Мария Петровых не читала и даже не подозревала о её существовании. Но какие-то непременно показали. И их хватило для того, чтобы Мария Петровых никогда более не предлагала издательствам свои стихи, навсегда решив для себя: «Меня не должно быть». Марии Петровых не простили того, что она – жена осуждённого по политическому «вопросу», набравшись смелости, решила заявить о себе. Во многом этот биографический факт стал определяющим в творчестве Марии Петровых. Заметим, что критические замечания, высказанные на заседании Редсовета и полученные рецензии, не смогли заставить Марию Петровых навсегда отказаться от своего жизненного предназначения, но изменилась тональность её стихов.

Мария Петровых была одарена природой чувствовать поэзию. В её стихах предельная естественность, подлинность судьбы и голоса, огромный эмоциональный накал, поразительная сдержанность в выражении, точность слова и лаконизм, отсюда, вероятно, такая пронзительная трепетность строк – бесстрашных, открытых, исполненных благородства и достоинства.

Идейная направленность поэзии Марии Петровых характеризуется стремлением к творческой свободе, утверждению человеческого достоинства и духовной независимости личности.

Следует заметить, что поэтическая способность Марии Петровых

реализовалась полностью в двух сферах поэзии – в переводах (Л.Стафф, Ю.Тувим, В.Броневский, К.И.Галчинский, Р.Тагор, Аль Газаль, С.Галкин, А.Кешоков, В.Терьян, С.Капутикян, М.Квиливидзе и др.) и в собственном поэтическом творчестве, характеризующимся искренностью, сильным языковым и эмоциональным напряжением.

Марии Петровых удалось достойно продолжить и поднять на качественно новый уровень традицию, заложенную в начале XX века В.Брюсовым, который первым представил русскому читателю мир армянской лирики. Осенью 1944 года Мария Петровых приехала в Армению вместе с В. Звягинцевой. Они переводили стихи молодых тогда поэтов Г. Боряна, С. Капутикян, М. Маркаян, Р. Ованисяна, Г. Эмина, А. Сагияна. «Это была замечательная, незабвенная осень. Мне мало пришлось поехать по Армении, но все же я была в Эчмиадзине (даже на богослужении), была на Севане... Молодые поэты оказались на редкость одаренными, работать над переводами было упоительно. Кроме того, Мы с В. Звягинцевой много бродили по Еревану и окрестностям. Бывали в Норке, ходили к Зангу. Конечно, были в Матенадаране... с тех пор – моя любовь к Армении, моя верность».¹ В тот момент, видимо, и родились строки:

Осень сорок четвертого года.
День за днем убывающий зной.
Ереванская синь небосвода
Затуманена дымкой сквозной.
...Будто воду из глуби колодца,
Чтоб увидеть сквозь годы утрат
Допотопное небо Звартноца,
Обнимающее Арарат.
(«Осень сорок четвертого года», 1968; 2.С.299)

Редкие признания в любви той земле, которая пленила, застенчивы, в них ощущается боязнь излишне громкими выражениями снизить большое чувство:

На свете лишь одна Армения,
Она у каждого – своя.
От робости, от неумения
Её не воспевала я.
(«Армения», 1966; 2.С.255)

Эти строки были написаны в 1966 году. «Армения» Марии Пет-

¹Ефремов Е. «Моя роковая звезда» // Знамя. 1998. № 12. - С.134.

¹Петровых М. Назначь мне свиданье! - М., 2000. - С.44

ровых вобрала в себя романтическую преданность поэта к «возлюбленному краю»:

...Моя далекая, желанная,
моя земля обетованная!

Поверь, любовь моя подспудная,
Что ты – мой заповедный клад,
Любовь моя – немая, трудная,
Любое слово ей не в лад.

В этих поэтических строчках выражена вся любовь и правда о земле, которая пленила поэта. Замечательная красота Армении передана не только зрительными образами севанского озера, Звартноца, но и особой интонацией торжественности:

И тайна острова севанского,
Где словно дань векам седым –
И своды храма христианского,
И жертвоприношений дым.

Орлы Звартноца в камень врублены,
Их оперенье – ржавый мох...

Звартноц – храм близ Эчмиадзина, памятник раннесредневековой армянской архитектуры, который сохранился в руинах. Храм представлял собой круглое, трёхъярусное купольное сооружение; внутри тетраконх с обходной галереей. Фасады были украшены аркатурой, резьбой, рельефами, интерьер – мозаикой и росписью. Удивительно точно передана красота разрушенного храма в стихотворении Марии Петровых. Внимание приковывают рельефные изображения орлов, которые будто оживают. Одновременно подчеркивается их древний, независимый, могущественный образ, навечно «врубленный» в каменные своды. Метафорический эпитет «ржавый мох» помогает точнее представить и ощутить прекрасную древность. В стихотворении Мария Петровых не указывает о каком именно «храме христианском» идет речь. Вероятно, что речь идет о Рипсимэ либо Гаяне, созданных во II веке до нашей эры. Пораженная масштабностью Шахдагского хребта, Мария Петровых создает поэтическую картину:

Со мною только дни осенние
И ты далекая гора,
Что высится гербом Армении
В снегах литого серебра,

Та величавая двуглавая
Родная дальняя гора,
Что блещет вековечной славою,
Как мироздание стара.

Обращает на себя внимание тот факт, что в стихотворении «Армения» возникает образ осени, который приобретает символическое звучание. Осень в изображении Марии Петровых раскрывает живое чудо бытия во всем богатстве его проявлений. Она связана с тишиной и спокойствием, что тесным образом переплетено с состоянием самого поэта – уходом в себя, раздумьем, созерцанием и размышлением. Преодоление инерции временного, земного означает избавление от суеты, приближение к высокой и вечной истине. Не случайно гора «в снегах литого серебра» «блещет вековечной славою» и сравнима лишь с «мирозданием». Осень подарила не только ощущение земной радости. У Марии Петровых осень ассоциируется с счастьем духовного равновесия. Осень – время подведения итогов, а, следовательно, духовных прозрений. Она помогает поэту увидеть происходящее вокруг и будто высвечивает яркими красками величие и вечность. Осень возвышает душу и умиротворяет. Таким образом, обнаруживается, что осень Марии Петровых символизирует счастье слияния человека с миром как результат умения вписать себя в несоизмеримую с личностью объективную данность Вселенной.

В 1967 году Мария Петровых создает стихотворение «Средневековье», которое сопровождается авторским замечанием – «читаю армянскую лирику». Образ лирического героя стихотворения, вероятно, был навеян образами героев армянской средневековой литературы. Мария Петровых специально не занималась изучением средневековой литературы Армении, но многое могла почерпнуть из бесед с армянскими лириками. Помимо того, как истинный переводчик она изучала культуру Армении, знала об основных персонажах героического эпоса Армении, запоминала легенды и предания, знакомилась с фольклорными традициями Армении. Мария Петровых представляет в стихотворении образ средневекового рыцаря-монаха:

Я человек средневековья,
Я рыцарь, я монах;
Пылаю гневом и любовью
В молитвах и боях.

(«Средневековье», 1967; 2.С.268)

Ей удалось подметить в характере важную особенность. Её средневековый рыцарь, преданный Богу, готов на подвиги ради утвержде-

ния правды, ради истины. Он умеет чувствовать и понимать разницу между добром и злом:

Цвет белый не смешая с черным.
Задуй мою свечу –
Я взором жарким и упорным
Их всюду различу.

Однако он готов бороться за добро и правду не только силой своего молитвенного слова:

Я пред крестом творю молитву
В мерцании свечи
И на коне кидаясь в битву
С врагами скрестить мечи.

Средневековому рыцарю-монаху не свойственно жертвенное всепрощение. Он карает своих врагов, не щадит их:

И я потребую отмщенья
За то, что здесь темно.
Да, я монах, но всепрощенье
Мне чуждо и смешно.

В стихотворении «Средневековье» Мария Петровых обращается к раннему средневековью. Перед читателями возникает образ монаха, фанатически преданного идеи, способного отстаивать истину с мечом в руках. Из истории христианской церкви известно, какой страшной нетерпимостью отличались её служители, сколько пролили крови, защищая идеи Христа, а между тем бедняк из Назарета отвергал насилие, был непритязательно добр, всё его учение проникнуто мягкой гуманностью. Но фанатизм, присущий средневековому христианству, всё же является частью культурного наследия. Армения с разрушенными христианскими храмами и, одновременно, сохранившая архитектурный ансамбль средневековья, пробуждала фантазию, будоражила мысль.

Изучая культурное наследие Армении, Мария Петровых обращалась в своей лирике к теме вечного поиска правды и истины. Примечательно, что в стихотворении заметны предельная безыскусственность и простота. Лаконизм изложения, энергичная концовка создают ощущение живого прикосновения к извечным тайнам бытия. Редкую выразительную силу приобретает внутренний, не сразу заметный конфликт между светом и тьмой: «Цвет белый не смешая с черным». Использованный перифраз несет в стихотворении особую смысловую нагрузку. Чередование четырехстопного и трехстопного ямба

звучит торжественно, убедительно. На создание такого впечатления работает и лексический ряд стихотворения: «отмщенья», «всепрощенье», «битву», «мечи». В нечетных строках женские рифмы чередуются с мужскими рифмами в четных строках. Все это создает своеобразный интонационный рисунок.

Удивительно, но стихотворения, в которых звучит армянская тематика, Мария Петровых создавала больше в пятидесятые-шестидесятые годы.

Поначалу, почти юношеская влюбленность Марии Петровых в «ереванскую синь небосвода», в саму страну, где она, по собственному признанию, ощущала «дыханье гения, и вдохновенья, и труда», подпитывалась теми самыми истоками «кавказской темы» русской поэзии, которые были открыты еще А.С.Пушкиным. Но с годами всё стало много глубже и серьезнее. Образ Армении, признавалась Мария Петровых, «ушёл в глубины глубин души». Это же обстоятельство сделало её одним из крупнейших переводчиков и редактором переводов армянской поэзии. Переводы армянских поэтов обогатили её собственную лирику. Огромное влияние на творчество Марии Петровых оказала армянская культура. Во многом благодаря Марии Петровых об Армении узнали как о земле, сохранившей богатейшие культурные традиции своего народа. На протяжении сорока лет творчество Марии Петровых было неразрывно, самым органичным образом связано с Арменией, миром её древней и современной поэзии, старинных народных преданий. Однако необходимо подчеркнуть, что переводы не смогли затмить таланта Марии Петровых. Несмотря на то, что с конца 30-х годов Мария Петровых пишет свои стихи всё чаще «в стол», её поэтическое пространство расширяется, обогащается новыми темами, приобретает особые, свойственные только ей - Марии Петровых характерные черты.

Мария Петровых избрала свой путь в поэзии – путь диалога и понимания с предшественниками и современниками. Постигая культурное пространство, созданное великими предтечами, Мария Петровых на основе этой традиции создаёт свой поэтический мир.

§2. Пушкинские традиции в лирике Марии Петровых

В XX столетии открылась – словно распахнулась – поэтам современность А.С.Пушкина, его близость, «кровность». Достаточно назвать «Пушкинскому Дому» А.Блока, «Юбилейное» В.Маяковского, «Мой Пушкин» М.Цветаевой. В.Брюсов ставил перед собой сознательную задачу ввести развитие современной поэзии в пушкинское русло. Для А.Блока А.С.Пушкин открывал драматическую природу, отсюда, пожалуй, явное родство «Двенадцати» с «Медным всадником». И даже В.Розанов и Ф.Сологуб, с явно антипушкинской теорией лирического творчества, пытались осмыслить А.С.Пушкина как поэта действительности. Мария Петровых не ставила перед собой задач подобного рода, она просто не представляла будущее русской литературы и поэзии без А.С.Пушкина.

В 1974 году в одном из писем Атанасу Далчеву Мария Петровых напишет: «Да, Пушкин – сама гармония. Пушкин в прямом смысле слова – не создал «школы». И подражать ему – невозможно. А.Блок, при всем своем уме сделал большую глупость – попробовал подражать Пушкину в поэме «Возмездие» и – провалился, я считаю эту вещь исключительно слабой. И, тем не менее, Пушкин, конечно, оказал несравненное влияние на развитие русской литературы, и, вероятно, не только русской. Даже при всей несхожести (и схожести, ибо для каждого человека он был главнейшим), Достоевский и Толстой любили и ценили Пушкина превыше всего, и он был для них самым главным и самым нужным. Нет, далеко не все наши поэты, «идут от Пушкина» автоматически. А, по-моему, любить Пушкина – значит постоянно читать, не расставаться».¹

Через всю жизнь пронесла Мария Петровых представление о высоком «предназначении» поэта. Любовью с малых лет и на всю жизнь называла Мария Петровых А.С.Пушкина: «Больше всего на свете я люблю Пушкина – стихи, прозу, письма, статьи и весь его человеческий облик, его суть, его сущность».² В прозаическом разделе книги «Избранное» «Из письменного стола» мы видим частую переключку с А.С.Пушкиным, цитирование его строк. Мария Петровых выступает и как исследователь А.С.Пушкина. Замечания о его произведениях точны, метки, оригинальны.

25 августа 1935 года она создаёт стихотворение «Кто дает вам право спрашивать?». Указание точной даты создания стихотворения мы встречаем у Марии Петровых очень редко. Написано оно в годы, когда писателей оценивали, прежде всего, по социальному происхож-

дению, во время нападков на «дворянскую» культуру. Поэтесса гневно вопрошает своих оппонентов:

Кто дает вам право спрашивать –
Нужен Пушкин или нет?
Неужели сердца вашего
Недостаточен ответ?

Не проверим, не послушаем,
Не разлюбим, не дадим –
Наше трепетное, лучшее,
Наше будущее с ним.

(«Кто даёт вам право спрашивать?», 1935; 1.С.11)

Стихотворение полно ораторского пафоса, достигаемого сочетанием риторических вопросов, восклицаний. А.С.Пушкин, по мнению Марии Петровых, не принадлежит к прошлому, он – символ вечности и искусства, без него – «мрак» «царствия Батыева», а с ним – «будущее» и «наше трепетное лучшее».

Мария Петровых любила всё, что связано с А.С.Пушкиным, любила заветные пушкинские места, среди которых Болдино занимает особое положение. Именно Болдино посвящает свою «маленькую поэму» Мария Петровых в 1930 году, ровно через сто лет после того, как здесь был поэт. «Болдинская осень» Марии Петровых о том же, о чем и «Осень» А.С.Пушкина – о ходе времени, о творческом процессе, об истоках поэтического вдохновения. Поэтесса пытается воссоздать духовный мир поэта, истоки его необычного творческого взлета. Многие образы и приемы стихотворения Марии Петровых перекликаются с пушкинской «Осенью».

Пушкин:

«Уж роща отряхает...»

Петровых:

«Что может быть грустней и проще
Обобранной ветрами рощи...»

Пушкин:

«Дохнул осенний хлад – дорога промерзает.
...И звонко под его блистающим копытом
Звенит промерзлый дол».

Петровых:

«Осенний лед, сковавши лужи,
Так ослепительно сверкал...»

Пушкин:

«...и в камельке забытом
Огонь опять горит...»

¹ Далчев А., Петровых М.С. «Я разговариваю только с Вами»: Переписка А.Далчева и М.Петровых (1971-1977 гг.) // Вопросы литературы. 1996. Вып.4. - С.255.

² Петровых М. Назначь мне свиданье. - М., 2000. - С.45.

Петровых:

«И вот в разгневанном камине...»

Ход времени неумолим. Немногое осталось в Болдино от тех времен:

«Сгубили рощу на дрова...»

Но для радости потомков Всевышний сберёт три дерева, которые в глубине души своей:

«Таят, не понимая сами,
Свет глаз твоих, тепло руки
И слов неясных ветерки».

Строфическое строение стихотворения переключается с пушкинской «Осенью». Мария Петровых тоже выбирает большую строфу: 6 строк, но не 8, как в пушкинской октаве. Но, как у А.С.Пушкина, строф – 12 /по числу месяцев в году/. И как у А.С.Пушкина, 12 строфа укороченная:

Пушкин:

«Плывет. Куда ж нам плыть?»

Петровых:

«С тех пор сто лет прошло. Никто
Тебе откликнутся не в силах».

Интересное поэтическое решение было выбрано Марией Петровых в стихотворении «Море». Как известно, в пушкинском «К морю» возникает явное грамматическое противоречие, осознанно использованное А.С.Пушкиным. Слово «море», выступающее как существительное среднего рода, трансформируется в существительное мужского рода: «Ты ждал, ты звал...», и женского рода: «Прощай, свободная стихия...». Мария Петровых использовала подобный грамматический ход, также имеющий прямое идейное значение. В стихотворении, которое, как и у А.С.Пушкина начинается с обращения, море не имеет родовой принадлежности вовсе, оно у Марии Петровых – «двуполое»: «Тебя, двуполое, таким – люблю...»

В элегии А.С.Пушкина в образе моря воплощается свобода. Свободная стихия, вместо моря, - это не просто стилистически возвышающийся перифраз, дающий ключ к восприятию всего последующего в высоком поэтическом плане, но и утверждение с самого начала, первыми же словами, главного в идейно-содержательном смысле. Очевидную параллель прослеживаем в элегии Марии Петровых «Море».

Говорить о некоем подражании А.С.Пушкину, о желании Марии Петровых перенять стиль, художественную остроту переживаемого – бессмысленно. Стоит отметить, что русскую поэзию XX века невозможно представить вне самоопределения относительно А.С.Пушкина, открывшего многим (поэтам и не поэтам) главное – притягательную силу творчества.

В.В.Мусатов в предисловии к книге «Пушкинская традиция в русской поэзии I половине XX века» говорит следующее: «Пушкин

был один. И каждого из крупных поэтов XX века он, в конце концов, возвращал к собственному дару, к пониманию действительности в её несводимости к какой бы то ни было «идее», в её разнородности и широте. Русская поэзия XX века раскрывается через Пушкина в той же мере, в какой Пушкин расставляет в ней всё по своим местам, именно восстанавливает столь часто колеблемую за всю её историю иерархию ценностей».¹

Для Марии Петровых живительным источником русской традиции всегда оставался А.С.Пушкин, а в традиции Мария Петровых видела залог слияния прежнего и нынешнего, вечного и современного. Мария Петровых стала продолжателем традиции художественно-философского поэтического отношения А.С.Пушкина к миру, была в числе тех, кто начинал творческий процесс перехода от уже сложившихся поэтических, духовных воззрений русской классики в новое измерение. Мария Петровых не просто поклонялась А.С.Пушкину, постигая магию его мастерства, а чувствовала всегда его присутствие. В первую очередь Марию Петровых интересовала тайна тех первоначальных импульсов, которые лежали в основе самого творчества А.С.Пушкина. Она внимательно всматривалась в критические моменты пушкинской биографии, стремясь уловить этот изначальный опыт. Свидетельством этому является конспект предстоящего разговора с А.Ахматовой («Из письменного стола»): «Надо отчетливее показать, как одинок был Пушкин, как один за другим отходили от него друзья. У читателя должно быть все время ощущение, что это Пушкин, величайший поэт. Надо сказать – что он писал в последние месяцы, его письма, сказать о его душевном мужестве, которое дало ему возможность думать о литературе накануне дуэли».²

Увлечённая переводами, Мария Петровых почти ежедневно перечитывала томик стихотворений А.С.Пушкина. Именно эта любовь объединила ее и Анну Ахматову, Марину Цветаеву, Атанаса Далчева. Анна Ахматова, высоко ставя поэзию Марии Петровых, с её пожизненной любовью к А.С.Пушкину и чутьем к языку, считала, что в Марии Петровых пропал тонкий, прозорливый пушкинист. Мария Петровых была из числа тех немногих современников, кто не просто стал продолжателем исходной литературной традиции – пушкинской, но и сделал возможным соединение того, что прежде казалось несоединимым. Мария Петровых соединила в своем лице разные эпохи. Прежде всего, это выразилось в отношении к языку, слову, как таковому. А.С.Пушкин утверждал, что истинный вкус состоит не в безотчётном отвержении такого-то слова, такого-то оборота, а в чувстве соразмер-

¹Мусатов В.В. Пушкинская традиция в русской поэзии I половины XX века. - РГГУ, 1998. - С.7

²Петровых М. Назначь мне свиданье! - М., 2000. - С.378.

ности и сообразности. Для Марии Петровых исследование творчества А.С.Пушкина открыло богатство русского языка, магическое свойство слова. Это позднее она с горечью скажет: «Язык Пушкина забыт в полном небрежении. Что творится с языком русским!

Горько от мыслей моих невеселых
Гибнет язык наш, и всем – все равно.
Время прошедшее в женских глаголах
Так отвратительно искажено...
Русский язык наш отвержен, не понят,
Русскими русский язык позабыт!
Русский язык, тот «великий, могучий»,
Побереги его друг мой, не мучай...»¹
(«Горько от мыслей моих невесёлых...»; 2.С.376)

Чуткое отношение к языку развило эстетический и художественный вкус Марии Петровых. Высокоразвитое эстетическое чувство, чувство меры, гармония содержания и формы, - всё это стало основой для создания переводов и обретения поэтического мастерства Марией Петровых. Она «унаследовала» от А.С.Пушкина точность и пластичность языка.

Назначение поэта и поэзии, истоки творческого вдохновения, проблема творческой свободы стали основными вопросами, волновавшими Марию Петровых в 30-е годы. Именно поэтому в 30-е–40-е годы Мария Петровых осознанно, как истинный художник слова, всё чаще обращается к А.С.Пушкину. Свобода и творчество, предназначение поэта и поэзии стали центральными темами в лирике А.С.Пушкина. Но если у А.С.Пушкина каждая тема приобретала еще и самостоятельное развитие, то Мария Петровых не всегда отделяла одну тему от другой, что придавало стихотворениям особый философский смысл. Необходимо заметить, что Мария Петровых ставит понятие «поэт», «свобода» и «смерть» в один смысловой ряд. Для А.С.Пушкина свобода и смерть – категории философские, для Марии Петровых социально-философские. Лирический герой стихотворения А.С.Пушкина «Брожу ли я вдоль улиц шумных...» мечтает о смерти. Смерть для лирического героя – вполне конкретное событие, которое можно ожидать в «день каждый» и в то же время «грядущее» таинство. В ней всё загадочно: нельзя угадать ни места, ни дату «где ...судьбина» остановит часы человека.

И где мне смерть пошлет судьбина?
В бою ли, в странствии, в волнах?

Или соседняя долина
Мой примет охладелый прах?

Ожидание смерти изображается в стихотворении без всякой идеализации, как конец земной жизни, превращение в «охладелый прах», «бесчувственное тело». И, тем не менее, переживание лишено трагизма (не случайно в шести из восьми строф ассонансный звук «у» встречается девять раз – столько же, сколько в первом четверостишии), эмоциональный акцент переносится на сознание красоты и многообразия «милой» жизни. Смерть у А.С.Пушкина – явление физическое, связанное с завершающим, неизбежным этапом жизни каждого человека.

Лирическая героиня стихотворения Марии Петровых «Когда слагать стихи таланта нет...» тоже мечтает о смерти:

Не медли смерть. Не медли, погляди,
Как тяжело неслышащей, незрячей,
Пустой душе. Зову тебя – приди!
(«Когда слагать стихи таланта нет...», 1971; 2.С.336)

Обращение к смерти не случайно. Для лирической героини жить – это не просто наслаждаться, предаваться «шумному» веселью, смыслом жизни становится творчество. Отсутствие творческого порыва – есть неизбежность смерти.

Лирическому герою стихотворения А.С.Пушкина «Брожу ли я вдоль улиц шумных...» думы о мгновенности человеческого существования навеивает природа. Эпитет «равнодушная природа» не исключает её влияния на ход человеческой мысли и даже человеческого существования. Лирическая героиня стихотворения Марии Петровых лишена возможности слышать голос природы: «...Но мне в ответ // Не откликаются ни лес, ни поле». Не переживая радости бытия, не испытывая чувства наслаждения от детских воспоминаний, устав от душевной боли, ставшей привычной, лирическая героиня ощущает пустоту души. Для поэта очевидно, что пустая душа – предвестник физической смерти, поскольку она не дает возможности для рождения поэзии. Мотив обращения к смерти – не новое явление в русской литературе, однако в стихотворении мы видим не ставшее привычным обращение – изгнание смерти, а, наоборот, обращение – призыв.

Основная мысль стихотворения Марии Петровых заключается в том, что поэту необходимо обновление чувств, ведь рождение поэтической строки связано с глубокими душевными переживаниями. Для того чтобы «рифмами побаловаться», «насвистать какой-нибудь сонет», то есть создать пусть даже несерьезные стихи, необходим талант – умение художника разбудить собственные, живые мысли, обрести душевную гармонию, ощутить радость жизни, тем самым найти необхо-

¹Петровых М. Избранное. - М., 1991.- С. 367.

димое поэту вдохновение, отсутствие которого губительно для души. Так, в стихотворении Марии Петровых «Когда слагать стихи таланта нет» нашли своё продолжение центральные пушкинские темы – философия творчества и философия бытия. Стоит заметить, что Мария Петровых следует мысли А.С.Пушкина о неизбежности физической смерти, но в своё, назначенное судьбой время. Лирическая героиня в финальных строках стихотворения не гонит смерть, а лишь обращается с просьбой о промедлении времени: «Помедли, смерть, помедли, подожди!..». Как и у А.С.Пушкина, финальные строки в стихотворении Марии Петровых наиболее эмоциональны.

Тема творчества волновала А.С.Пушкина с юных лет («К другу стихотворцу», 1814; «Исповедь бедного стихотворца», 1814; «Городок», 1815). В конце 1810-х годов она становится одной из главных в его творчестве («Жуковскому» 1818; «Деревня» 1819). В 1820-е годы ей посвящены многочисленные послания поэтам – современникам и друзьям, а так же такие стихотворения, как «К моей чернильнице» 1821, «Послание цензору» 1822, «Чиновник и поэт» 1823, «Разговор книгопродавца с поэтом» 1824, «Прозаик и поэт» 1825.

О творчестве, о предназначении поэта, о роли поэзии в ранней лирике Мария Петровых писала мало. Открывая для себя поэтические горизонты, Мария Петровых ощущала потребность быть для читателей «нужным поэтом».

В переломную эпоху русской литературы XX века, когда «нужность» художника определялась умением угождать власти, когда творчество не ассоциировалось с понятием «свобода», когда откровения художника, искренность чувств не просто отрицались обществом, но и преследовались, Мария Петровых не могла найти своего читателя. В начале 1940-го года Мария Петровых оказалась искусственно изъятая из литературного процесса и вступила в полосу длительной изоляции. Именно этот период стал началом её обращения к творчеству А.С.-Пушкина. А.С.Пушкин был для неё менее всего «материалом» - она искала в нем опору и смысл, выверяла по нему свой путь, свои творческие принципы. Во многом её собственное положение в эпохе перекликалось с положением А.С.Пушкина в тридцатые годы XIX века.

На «дневную поверхность» стихи Марии Петровых выходили редко – всё больше переводы, особенно с армянского языка. Она жила отдельно от так называемой общественной жизни, оставаясь одним из загадочно выживших сильных характеров. Отсутствие публикаций Марию Петровых волновало меньше, чем отсутствие вдохновения. Мария Петровых не забывала о том, о чём когда-то размышлял А.С.Пушкин. Поэт должен находить самые глубокие, самые мудрые мысли и заражать ими читателя. Именно об этом говорил он в «Пророке», «Поэте». Пока поэт просто живёт, не творит, пока Аполлон не требует его «к священной жертве», он может оказаться ничтожней всех «детей

ничтожных мира», потому что его поэтическая душа спит – «вкушает хладный сон». И будто следуя мысли А.С.Пушкина, Мария Петровых всё больше писала о нелегкой судьбе поэта. Всё чаще звучали в стихотворениях-раздумьях мысли о необходимости правды творчества. Она долгие годы ожидала момента, когда «душа поэта встрепенётся, как пробудившийся орёл». В стихотворениях позднего периода (1960-1970-е годы) рефреном звучало слово «душа».

Мария Петровых была глубоко верующим человеком. Но, прежде всего, верила она в человека, в совесть. Ей казалось, что свободомыслящему человеку труднее жить по совести, чем верующему, слышавшему в совести голос бога. Ей казалось, что совесть обретает в вере подспорье.

Удивительны её размышления о душе. В одном из писем Атанасу Далчеву она напишет: «...Личность человека неповторима. Конечно, тело с наступлением старости слабеет, но душа – всегда ли? Душа с годами набирает силу, обретает наибольший свет, если смолоду растит ее, высветляет, а не затаптывает, не губит, не утверждает в себе всяческую тьму. Забытую человеком, затаптанную им душу, и посмертно оживает существование глухое, темное. А душа человека, излучавшая при жизни его свет, так и останется светом»,¹ – таковы искренние философские откровения Марии Петровых.

Бог, душа, совесть – квинтэссенция её творчества и жизни. Стойко переживая «муки немоты», Мария Петровых словно ощущала, что настанет и её время, её черед. Такая внутренняя определённости характера для русской поэзии, слишком часто так случалось, что свобода оказывалась в тисках, а голос поэта неуслышанным. Размышляя о будущем и как бы оправдывая свое внешнее безмолвие, своё твёрдое отрицание «тщеславной мельтешни», она оставила строки, озаглавленные весьма определённо – «Завещание». Мария Петровых, продолжая традиции русского реалистического искусства XIX в., не могла не замечать исторических изменений в поэзии XX века. Прежде всего, это было обусловлено социальными изменениями, когда поэзия нуждалась в обновлении не только форм языка, но и традиционных тем.

Исследуя творчество А.С.Пушкина, Мария Петровых замечала, что на протяжении его творческой биографии им не раз переосмысливалась тема творческой свободы. В знаменитой юношеской оде «Вольность», написанной под воздействием одноимённого радищевского стихотворения, А.С.Пушкин мечтал о политической свободе, об избавлении от ужасов «самовластья». Однако с годами поэт яснее сознавал, что истинная свобода - это не свобода от чего-то, а свобода в чем-то: «Иные, лучшие мне дороги права...». Стоять в стороне от обществен-

¹ Далчев А., Петровых М.С. «Я разговариваю только с Вами»: Переписка А.Далчева и М.Петровых (1971-1977) // Вопросы литературы. 1996. Вып. 4.- С.255.

ных волнений, наслаждаться искусством и красотой природы – не это ли истинная свобода в понимании А.С.Пушкина-реалиста. В творческой биографии Марии Петровых наблюдаем обратное явление, впрочем, объяснимое. Художник в XX веке как никогда становился зависимым от жизненных реалий. Вслед за А.С.Пушкиным, Мария Петровых громко заявила о том, что поэтическое творчество – это подвиг – «безвозмездный». Выполняя высокие требования, предъявляемые к себе, как поэту, А.С.Пушкин смело обращался с призывом:

Всех строже оценить умеешь ты свой труд.
Ты им доволен ли, взыскательный художник?
Доволен? Так пускай толпа его бранит...

Мария Петровых могла смело давать наставления поэтам:

...Не ведайте, поэты,
Ни лжи, ни клеветы.
О нет, куда живы,
Запечатлеть должны вы

Грядущего приметы,
Минувшего черты –
Невиданной эпохи
Невиданный размах...

...Не шум газетной оды,
Журнальной болтовни, –
Лишь тишина свободы
Прославит наши дни...
Один лишь труд безвестный –
За совесть, не за страх,
Лишь подвиг безвозмездный
Не обратится в прах...

(«Завещание»¹)

И вновь очевидна перекличка с А.С.Пушкиным:
Ты царь: живи один. Дорогою свободной
Иди, куда влечёт тебя свободный ум,
Усовершенствуя плоды любимых дум,
Не требуя наград за подвиг благородный.

(«Поэту»)

Безусловно, что с наставлениями к юным поэтам обращалась не только Мария Петровых. Однако следует заметить, что Мария Петровых, продолжая пушкинские традиции, говорила, в первую очередь, о

значении поэзии, о её влиянии на человека, общество, о её нравственной, гуманистической роли. Эстетически поэтическая личность Марии Петровых была нацелена на выражение только главного и самого тайного, невероятно сложного для обиходного восприятия и необходимого для духовного развития. Для А.С.Пушкина характерен мотив пророчества. Вспомним хрестоматийное «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...». А.С.Пушкин, продолжая традицию переложения текста Горация на русский язык, вводит в стихотворение конкретику, что превращает перевод в подведение итогов деятельности автора. Здесь необходимо подчеркнуть мысль о том, что за «жестоккой» земной жизнью следует посмертная слава, да и само понятие тленья неприменимо к тому, кто увековечил себя в духовном памятнике, чья непокорная глава видна сквозь все события мировой истории: «Нет, весь я не умру – душа в заветной лире // Мой прах переживет и тленья убежит...» («Я памятник себе воздвиг нерукотворный»). Находим очевидную перекличку у Марии Петровых:

...Я забуду земные недолгие дни,
Я узнаю бессмертье на легком листе.

(«Акварели Волошина», 1932; 2.С.79)

Для А.С.Пушкина было характерным ощущение связи времён, проходящей через сердце поэта. Как правило, воспоминание о прошлом неизбежно рождает в пушкинском стихотворении мысль о будущем. Будущее же в свой черед отбрасывает свет на былое, и возникает представление о поступательном ходе времени, неистребимом его течении. Всё это было свойственно поэзии А.С.Пушкина, особенно в период его увлечений романтизмом. Романтические черты восприятия времени и человека в нём были характерны и лирике «ранней» Марии Петровых («И прошлое и будущее живо...»). Названные черты наблюдались в стихотворениях Марии Петровых о творчестве, о рождении вдохновения.

Созданное А.С.Пушкиным в 1825 году стихотворение «Если жизнь тебя обманет» является ярким тому примером. Мария Петровых в 1964 году напишет жизнеутверждающие строки, созвучные пушкинским:

Не отчаивайся никогда,
Даже в лапах роковой болезни,
Даже пред лицом сочных дней
Ничего на свете нет скучней,
И бессмысленней и бесполезней,
Чем стенать, что зря прошли года.
Ты еще жива. Начни сначала.

(«Не отчаивайся никогда»¹)

¹Петровых М. Лирика. – Ростов-на-Дону. – 1999. - С.209

¹Петровых М. Лирика. – Ростов-на-Дону. – 1999.- С.155

Мария Петровых жила верой в творческие возможности, верой в будущее, обещанное человеку, верой в достоинство последнего, в его «сверхреальное» предназначение. Это было пушкинским «приятием мира под знаком объективно-ценного». В своём дневнике Мария Петровых писала: «Пушкин давал в статьях своих удивительно точные и емкие определения. Его страничку «О прозе» надо знать наизусть. Это характеристика современной Пушкину прозы. На одной страничке с исчерпывающей полнотой он сказал о том, что мешает развитию прозы, и о том, в каком направлении должна она развиваться. Как это надо знать и помнить нашим теперешним прозаикам и особенно поэтам!»¹

Для Марии Петровых, тонко знающей и глубоко чувствующей А.С.Пушкина, была определённой и значительной мысль о том, что именно А.С.Пушкин впервые в русской поэзии продемонстрировал возможность синтеза лирики и прозы. Новеллистически-сюжетная природа творчества Марии Петровых позволяет соотнести её с пушкинской традицией. Однако следует заметить, что, несмотря на тяготение к сюжету, Мария Петровых крайне редко выходила за пределы малых форм. Стремления позднего А.С.Пушкина «прозаизировать» свою поэтическую манеру сказались на отсутствии ярких метафор и образительных эпитетов. Марию Петровых отличало сочетание простоты, ясности языка и художественной выразительности.

Воздействие личности и творчества А.С.Пушкина на мироощущение и лирику Марии Петровых было велико с самого начала её творческого пути, обусловив специфику многих черт её поэтики. А.С.Пушкин воспринимался Марией Петровых как часть духовного мира. Обращение к А.С.Пушкину было необходимо Марии Петровых, прежде всего для осознания собственных позиций. Творчество А.С.Пушкина воспринималось как эстетический образец. Открывая для себя А.С.Пушкина, Мария Петровых постигала тайну поэтического ремесла, связав два века – XIX и XX. Сохранив традиции русской поэтической классики, она приумножила её богатства духовными и художественными открытиями.

¹Петровых М. Назначь мне свиданье! - М., 2000. - С.377.

§3. Тютчевские мотивы в лирике Марии Петровых

В автобиографической заметке Мария Петровых писала: «В ранней юности я полюбила Тютчева, которого и теперь люблю, конечно».¹ Но в то время она вряд ли могла предвидеть, что спустя каких-то десять лет ей станет близким и понятным «тютчевское молчание». Как для Ф.И. Тютчева, так и для Марии Петровых лабораторией оригинального стиля станут переводы. Переводы никогда не возвышались над оригинальным творчеством, однако это была важная ступень, на которую поднималось лирическое творчество двух поэтов. Мария Петровых продолжала традицию поэтов XIX века. Поэзия, слово, его безграничность и его границы, его власть, могущество и одновременно, ничтожество, всё это было свойственно и для Марии Петровых. Настоящим поэтам свойственно служить слову так же, как и заставлять слово служить не только выражению мысли и чувства, но и рождению тайны. Следует заметить, что оба поэта никогда не относились к русскому языку фамильярно, что и давало возможность открывать его богатства.

Ф.И.Тютчев использовал главным образом составные эпитеты антиномического характера, что, безусловно, в ту пору было новаторством: «ласково-ручной», «бешено-игривой» (Конь морской) «болезненно-яркий» «волшебном-немой» (сок), «пасмурно-багровый» (ветер), «блаженно-роковой» (день) и т.д. Мария Петровых нередко использовала в своих стихотворениях составные эпитеты и антиномические эпитеты: «глупомудрый», «змеиногубый», «золото-серый» (песок), «бронзоволикое» (счастье), «самопоглощенная» (душа), «темно-белые ключья» (прибой), «круглунное» (кольцо), «непогрешимо ровный» (звук сердца), «миллионноземное» (шелестенье), «тёмноигольчатая» (туча).

Впервые Ф.И. Тютчев использовал в лирике внутренний монолог, психологический посыл, в котором скрывается смысл высказывания. Для поздней лирики Марии Петровых это было особенно характерно («Когда молчанье перешло предел...», «Ты говоришь: «Я не творила зла...», «Ужаснусь, опомнившись едва»). Внутреннее противоречие, подчас борьба с самой собой, смятение, убеждение, - всё это передаёт мир чувств лирической героини, психологическое состояние, близкое нередко драматическим переживаниям:

...Есть грех другой, ему прощенья нет, -
Ты спряталась в глухую скорлупу,
Ты замешалась в зыбкую толпу,
Вошла в неё не как рассветный луч -
Ты стала тучей в веренице туч.

(«Ты говоришь: «Я не творила зла...»; 2.С.321)

¹Петровых М. Назначь мне свиданье! - М.,2000. - С.46.

Тютчевские традиции нашли свое продолжение в пейзажной лирике Марии Петровых, хотя, как и у Ф.И. Тютчева, точнее будет определение – пейзажно-философской лирике. Пейзажные зарисовки неотделимы от раздумий о смысле и тайне творчества: таинственный, гармоничный мир природы рождает высокий философский строй мыслей, – всё это придает лирике Марии Петровых особую одухотворённость, органичность, смысловую законченность.

«Ты поэт и, значит, – чародей», – написала в одном из своих стихотворений Мария Петровых. Поэт – творец сродни природе. Поэту должны быть понятны её подлинный смысл и величие, её секреты и загадки. Между природой и поэтом – отношения сотворчества:

Я скалам, волнам и светилам
Люблю подсказывать стихи.
(«*Меня оброс дремучий воздух...*»; 2.С.60)
Когда я ошибкой перо окуну,
Минуя чернильницу, рядом, в луну,-
В ползучее озеро чёрных ночей,
В заросшей мечтой соловьиной ручей,-
Иные созвучья стремятся с пера...
(«*Муза*», 1930; 2.С.49)

Для Марии Петровых природа – источник всего существования. Она – вечно живая, одухотворённая, полная таинственных сил. Общение с ней – это процесс живительный для обеих сторон. В художественной системе поэзии Марии Петровых между природным и человеческим существует не только прямая, «однонаправленная», но и обратная, «двусторонняя» связь. В стихотворениях Марии Петровых можно найти много примеров одухотворения, олицетворения природных сил и явлений:

Весна так чувствена. Прикосновенье ветра
Томит листву, и грешная дрожит...
(«*Весна так чувствена...*», 1927; 2.С.17)
Даль недалётна. Лишь слышно: от холода
Звёзд голубые хрящи хрустят...
(«*Ночь*», 1927; 2.С.14)

Природа в стихотворениях Марии Петровых наделена не только дыханием, но и душой; она сочувствует, жалеет, утешает, даёт успокоение и тихую радость. Душа поэта и душа природы неразделимы, и в этом единстве видится абсолютная гармония. Мир природы в поэзии Марии Петровых полон чудес и удивлений. Лес, небо, облака, ручьи, птицы – друзья и собеседники. Лирической героине её стихов удаёт-

ся услышать, «Как в чаще растревоженного бора // Весна и лето, осень и зима // Секретные вѣли переговоры»; к лесу она обращается с мольбой, как к близкому другу: «К тебе пришла я // С безутешною утратой. // О любовь моя былая, // Приголубь меня, порадуи!». Потеряв любимого человека, лирическая героиня находит его черты в «синеве ручьев и рек», в седом тумане, во вспышке молнии:

Когда заговорит гроза,
Вблизи блеснут твои глаза,
Их синих молний остря...
(«*К твоей могиле подойду*», 1959; 2.С.239)

Силам природы свойственно творческое начало, дана способность создавать стихи, но только поэт обладает даром почувствовать их, услышать и даже увидеть:

А под вечер предстал предо мною
Весь в перечёрках черновик живой,
Написанный осыпавшейся хвоей,
И веточками, и сухой листвою.
(«*Какой обильный снегопад в апреле*», 1956; 2.С.189)

Романтический пейзаж всегда предстает в панорамном, обобщённом виде. Предметы даны не в видовом, а в родовом, более широком значении. Несомненно, что это свойство романтического пейзажа оказало влияние на лирику Марии Петровых.

Ф.И.Тютчев редко даёт точные наименования предметов, пользуется широким родовым названием. Так, например, о листьях (стихотворение «Листья») мы знаем достоверно только то, что они не иглы, а о том, с какого именно они дерева – ничего не знаем. В другом стихотворении «Фонтан» нет точного указания места. Но в этом-то и заключалось необычное, оригинальное творческое решение. Мария Петровых умело использовала в своих стихотворениях как панорамность пейзажа, так и обобщённость образа:

Вянет лето, превращаясь в осень.
Август отошёл, и вот, спеша,
Ветер листья рвет, швыряет оземь,
Откровенным холодом дыша.
(«*За окном шумит листва густая*», 1955; 2. 177)

Под ярким солнцем блещет снег весенний.
Взгляни, как четко разлинован лес:
Высоких сосен правильные тени
По белизне легли наперерез.
(«*Какой обильный снегопад в апреле...*», 1956; 2.С.189)

В сосновой чаще плотный снег лежит, –
Зима в лесу обосновалась прочно,
А рядом склон сухой листвой покрыт, –
Здесь осени участок неурочный
(«Бредешь в лесу...», 1956; 2.С.191)

В лирике Ф.И.Тютчева природа имеет два лика – хаотичный и гармоничный. Мария Петровых наделяет природу магическими свойствами. Стихотворение «Полдненное солнце дрожа растеклось» датировано 1929 годом. Яркий, чарующий образ луны – основной объект изображения, благодаря которому передаются чувства лирической героини. Изобразительная сила стихотворения обусловлена оригинальным подбором метафор, олицетворений:

Полдненное солнце дрожа растеклось,
И пламень был слизан голодной луною.
Она, оголтелая, выползла вкось,
До скул налкавшись зенитного зною.
Себя всенебесной владычицей мня,
Она завывала багровою пастью...
(«Полдненное солнце дрожа растекалось...», 1929; 2.С.13)

Перед читателем предстает не просто картина приближения ночи. В основу стихотворения положен один из важнейших природных контрастов, сопровождающих человека на протяжении всей жизни: день – ночь, свет – тьма, солнце – луна. Почему ночь обладает таинственной властью над человеческими чувствами и почему приближение беды – «сурового, бронзоволикового счастья» ассоциируется именно с ужасающим образом луны? Луна в стихотворении оживает, отчетливо приобретая очертания хищника: «пламень был слизан», «до скул налкавшись», «она выползла», «она завывала багровою пастью». Луна – «всенебесная владычица» олицетворяет собою смерть, а потому становится понятным первый стих: «солнце дрожа растекалось», как беспомощный зверь перед «голодным» хищником. Яркая образная структура стихотворения создается благодаря символической цветовой палитре. Читатель будто рисует картину приближения ночи яркими, сочными красками, включая лишь воображение. И вот уже эпитет – «зенитный зной», добавляет «багровый» цвет, подобный вечернему солнцу на закате, подобный цвет крови. Особая роль в стихотворении отведена аллитерации: «И пламень был слизан голодной луною». Звук «л» повторяется в стихотворении 15 раз. Плавный, печальный звук «л» передает движение луны-хищницы натуралистично. Свистящие «з» и «с» создают картину физического наступления смерти. Характерно, что чередование 3-х стопного и 4-х стопного

амфибрахия с мужскими рифмами подходит интонационному рисунку стихотворения. Простая и точная рифма создает интонационную завершенность. Синтаксический рисунок стихотворения дополняет умолчание во II строфе, которое формально делит стихотворение на две взаимообразующие тематические части. Описательная картина природы сменяется коротким заключением лирической героини об осознанной связи человека и природы: «В ту ночь подошло, чтоб ударить меня, // Суровое, бронзоволиковое счастье». Инверсия, использованная в стихотворении, придает не только выразительность речи, но и особую эмоциональную окраску. Заметим, что все глаголы в описательной части стихотворения придают движению характер спокойствия, равномерности, плавности («растеклось», «слизан», «выползла», «завывало»). Резким контрастом появляется в седьмом стихе глагол «ударить», в значении «нарушить спокойствие, придать динамику движению». Примечательно, что глагол «ударить» выступает в смысловом единстве с существительным «счастье». Подобно луне-хищнице, «пожирающий свет», счастье неожиданно «подошло, чтоб ударить». Именно так лирическая героиня объясняет природу появления «счастья». Но эпитет «суровое, бронзоволиковое счастье» вносит существенное смысловое дополнение, сродни оксюморонному сочетанию. Бронза – это не только физический материал, но и своеобразный символ смерти. «Бронзоволиковое» создает образ почти мифологического существа, несущего героине отнюдь не радость и счастье, а «суровое» жизненное испытание.

В стихотворении Марии Петровых «Полдненное солнце дрожа растеклось» проявилось увлечение поэта пантеистическими теориями, которые сводятся к мифологическому обожествлению природы. Здесь же необходимо подчеркнуть, что обращение к пантеистическим теориям заметно и в ранних стихотворениях Ф.И.Тютчева. Сопоставительный анализ стихотворений Марии Петровых «Полдненное солнце дрожа растеклось» и Ф.И.Тютчева «День и ночь» приводит нас к мысли о едином восприятии природы двух поэтов.

Ф.И. Тютчев усматривал в явлениях природы осуществление каких-то неподвластных научному познанию вселенских законов, но в то же время воспринимал природу непосредственно, так, как она есть «сама по себе». Композиционно стихотворение «День и ночь» делится на две строфы. В основе стихотворения образы дня – света и ночи – тьмы. Отметим, что уже во второй строчке появляется слово «бездна», а в третьей – слово «покров». Под «безымянной бездной» подразумевается ночь, а под «златотканым покровом» – день. Приход ночи описывается как срывание «благодатной дна» (с её «страхами и мглами»), «таинственный мир духов» (примечательна смена ударения), «роковой мир» – всё это поэтические синонимы. По мысли Ф.И.Тютчева, «мы» (люди), затеряны в мировой бездне, где нет чётких моральных ориентиров, представлений о красоте, где разумное начало подавляется в

угоду животным «страхам». Ночью человек открыт нашествию древних инстинктов, оставаясь один со своей «болящей» (т.е. большой душой). Он испытывает тягостное ощущение трагизма своего существования (заметим, что эта мысль становится определяющей в стихотворении Марии Петровых «Полдненное солнце дрожа растеклось»). Конфликт между светом и тьмой типичен для художественной системы романтизма, влияние которого на раннюю лирику Марии Петровых весьма очевидно. Концовка в стихотворениях Ф.И.Тютчева и Марии Петровых создает ощущение живого прикосновения к извечным тайнам бытия. Перед нами не интимный разговор с читателем, а энергичное и страстное изложение владеющей автором мысли. Ф.И.Тютчев свято верил в одушевленность природы, которая не умирает, и в своё конечное слияние с ней. Вслед за Ф.И.Тютчевым, Мария Петровых продолжала поэтическую мысль о том, что каждому душевному настроению должно быть непременно соответствие в природе, каждая дума и каждое чувство имеют в ней свой отзвук. Мария Петровых сохраняет традицию Ф.И.Тютчева, превращая пейзажную зарисовку в метафорически осмысленную картину философского размышления. Выводом, как правило, становится утверждение о смысле человеческого бытия.

Характерная особенность пейзажно-философской лирики – обилие риторических вопросов и восклицаний. Эта особенность наблюдается в стихотворениях Ф.И. Тютчева и Марии Петровых.

Необходимо отметить, что пейзажно-философскую лирику двух поэтов отмечает сочетание пластической образности, звуковых и зрительно-живописных образов, глубоко психологизированных, проникнутых настроением и чувством лирического героя. Красота природы заметна в любом её состоянии и проявлении, а потому в пейзажно-философских стихотворениях Ф.И.Тютчева и Марии Петровых мы редко находим противопоставления в описании природы и чувств лирического героя. Природа вечно живая, одухотворенная, полная таинственных сил. Общение с ней – это процесс живительный для лирического героя. В пейзажно-философской лирике двух поэтов мы наблюдаем, как пейзажная зарисовка становится не просто фоном, а входит в самое существо миропереживания:

...Сумрак тихий, сумрак сонный,
Лейся в грудь моей души,
Тихий, темный, благовонный,
Все залей и утиши.
Чувства мглой самозабвенья
Переполни через край...
Дай вкусить уничтоженья,
С миром дремлющим смешай!

(Ф.И.Тютчев)

...А в лесах – за дивом диво.
Им не надо никого,
Как молитва, молчаливо
Легких листьев торжество.

Что красе их вдохновенной
Близкий смертный снежный мрак...
До чего самозабвенны,
Как бесстрашны – мне бы так!

(М.Петровых)

Но особенно заметны в стихотворениях Марии Петровых идущая от Ф.И.Тютчева одухотворенность природы, романтический пейзаж, плавность интонаций. В ранней лирике Марии Петровых природа мифологизирована, а в целом ряде стихотворений находим близкую связь природы и любви, где природа выступает в роли участника происходящих событий («Год, в разлуке прожитый...», «Весна и снег»).

Мария Петровых в стихотворениях нередко использует мотив обращения к силам природы. Губительное чувство отчаяния и одиночества заставляет лирическую героиню искать утешения и благодати у природы:

Поди к реке, и кинься в воду,
И, если можешь, - поплыви.
Какую всколыхнёшь свободу,
Какой доверишься любви.
(«Не плачь, не жалуйся, не надо»,1942; 2.С.113)

...Только лес ещё остался лесом,
Только небо, облака, ручьи
Господи, коль мне ещё ты внемлешь,
Сохрани хоть эту благодать.
Может, и очнулась я затем лишь
Чтоб её впервые увидеть...
(«Ужаснусь, опомнившись едва...»,1967; 2.С.271)

Здравствуй, лес! К тебе пришла я
С безутешною утратой.
О, любовь моя былая,
Приголубь меня, порадуй
(«После долгих лет разлуки»,1967; 2.С.269)

Если говорить всерьёз,
Лишь одно мне в жизни мило –
Коль мороз, так уж мороз,

Чтобы дух перехватило.
Я люблю вершины гор,
Оттого, что одиноки,
Я люблю степной простор
За его размах широкий
Если зной – чтоб тишь да гладь,
Если ветер – чтоб такой уж –
На ногах не устоять...
(«Если говорить всерьез...», 1959; 1.С.106)

«Дышать природой» стало для Марии Петровых смыслом её поэтического творчества. Природа – кладезь жизненной мудрости, а потому в горестях и радостях она – верный помощник, «приют вдохновения». Природа – умелый художник, ей подвластна игра красками, а поэту – игра мысли. Найти слово, способное запечатлеть вечную красоту на бумаге, под силу лишь мастеру, умеющему тонко чувствовать, слышать и видеть красоту природы. Мария Петровых и является таким мастером. В её стихах природа не просто оживлена, она имеет свою, скрытую от постороннего глаза, тайну. Но внимательному, искреннему, любящему сердцу эта тайна может раскрыться:

Бредёшь в лесу, не думая, что вдруг
Ты станешь очевидцем некой тайны,
Но всё открыл случайный взгляд вокруг –
Разоблачения всегда случайны...
(«Бредешь в лесу, не думая, что вдруг...», 1956; 2.С.191)

Каждый поэт выбирает своё любимое время года, видит в нём близкое и понятное своему сердцу, находит свои краски и создаёт лирическое полотно. Для Марии Петровых осень становится вдохновляющей силой. Она не рождает трагического размышления о конце жизни (как у С.Есенина), не связана с социальными мотивами (как у Н.Рубцова), не вызывает печального умиления (как у Ф.И.Тютчева). Осень Марии Петровых – это торжество красоты, обогащающее душу поэта. В её стихах осень всегда живая, загадочная, яркая. Мария Петровых не редко связывает это время года с памятью о горячо любимом А.С.Пушкине. Осень предстаёт в разных ипостасях: мудрая ключница, чистое божество, таинственная незнакомка. И каждый раз открывается такая глубина чувств, такая восторженность:

Я здесь любила все как есть,
Не рассказать, не перечить –
Весну любила за весну,
А зимушку за белизну,
А лето за угрюмый зной,

А осень... у нее со мной
Был уговор особый,
Узнать его попробуй...
(«Я здесь любила все как есть...», 1969; 2.С.306)

Осень Марии Петровых – это торжество безграничной красоты. Осенний лес словно играет красками:

Боже, как светло одеты,
В разном – в красном, в золотом!
На лесах сказалось лето
В пламени пережитом.

Солнце душу в них вложило –
Летней радуги красу.
Семицветное светило
Рдеет листьями в лесу...
(«Осенние леса», 1943; 2.С.153)

«Самозабвенная» осень мила Марии Петровых и как память о детстве. Родная природа Ярославля не скупилась на сочные яркие краски, щедро одаривая своим богатством:

...Бродила опустевшими лесами несравненными,
И светлыми дубравами, сумрачными чащами,
От пурпура – суровыми, от золота – молчащими...
(«Осенние леса», 1943; 2.С.154)

Как гимн красоте и величию природы звучат строки Марии Петровых в стихотворении «Осенние леса»:

Земля, что чудесная, что для тебя я сделаю,
Какой прославлю песнею всё светлое, всё смелое,
И тишину рассветную, и жизнь вот эту самую...

Композиционно стихотворение делится на три части, каждая из которых выполняет свою функцию: I часть – описание, II часть – воспоминание, III часть – рассуждение. Стихотворение отличается изобилием изобразительно-выразительных средств: чаща – «как жертвенник, неистово горящий, как памятник, надгробье страстотерпцам»; ночь – «дремучая, прозрачная»; воздух – «высок и недвижим»; «Как молитва, молчаливо // Легких листьев торжество». Риторические восклицания придают стихотворению эмоциональную насыщенность. Шипящие и свистящие звуки «ш», «щ», «с», «з», «ч» создают эффект шелеста листьев, шума ветра. Богатая цветовая палитра наблюдается в стихотворении: «красный», «золотой», «семицветный», «снежный». Ритмический рисунок стихотворения представляет собой чередование двух-

сложного и трехсложного размеров: I часть – 4-х стопный хорей, II часть – 5-ти стопный амфибрахий, III часть – 5-ти стопный хорей.

Пейзажные стихотворения Марии Петровых – и ранние, и созданные в зрелые годы, воспринимаются как стихи о родной земле, о России. Особенно примечательны пейзажные стихотворения, написанные в годы войны. Перед лицом природы нельзя себе представить ничего противоестественного и более безумного, чем война. Вся нелепость, вся дикая неестественность войны остро выражена в стихотворениях Марии Петровых:

Бело-синий город Севастополь,
Белокрылый город в синеве...
Море ослепительная пыль
В скверах оседала на траве.

Город с морем сомкнуты в содружье,
Синей соли съедены пуды.
Дымной славой русского оружия,
Пушечным дымком несло с воды.

(«Севастополь», 1942; 1.С.25)

...И вот апрель в календаре,
Земля в прозрачном серебре,
Хрустящем на заре.
И солнце светит горячей,
И за ручьем бежит ручей.
Скворцы звенят на перебой,
И млеет воздух голубой.
И если б только не война,
Теперь была б весна.

(«Апрель 1942 года», 1942; 1.С.28)

В каком неистовом молчанье
Ты замерла, притихла, ночь!..
Тебя ни днями, ни ночами
Не отделить, не превозмочь.

Взволнованною тишиною
Объята из конца в конец,
Ты внемлешь надо всей стране
Биению всех ее сердец...

(«Ночь на 6 августа», 1943; 2.С.139)

В пейзажно-философских стихотворениях Марии Петровых позднего периода природа становится неотъемлемой частью жизни ху-

дожника слова. Примечательно, что в стихотворении «Пылает отсвет красноватый» Мария Петровых выступает в роли поэта-живописца. Стихотворение построено на игре цвета, которая обогащает представления читателя о красоте природы, её многоликости. Стихотворение отличает «кинематографичность». Условное деление на три части (три строфы) подсказывает читательскому воображению зримые картины происходящих изменений в природе. Так, I часть - своеобразное посвящение читателя в суть происходящих вокруг изменений, где даётся подсказка о том, на какие детали необходимо обратить внимание:

Пылает отсвет красноватый
На летней пашне в час заката.
До фиолетового цвета
Земля засохшая прогрета.

Здесь важно подчеркнуть, что метафора изначально «переводит» взгляд читателя на конкретный объект: пылает не солнце, пылает не небо, а именно «отсвет». Таким образом, автор заставляет представить картину масштабно, ощутив простор и гармонию сосуществования земли и неба. Но автор не просто расширяет границы пространства, а постепенно обращает внимание читателя на происходящие вокруг изменения, состояния природы в час заката.

Вторая часть стихотворения, напротив, нацеливает читателя остановить взгляд на конкретном объекте – «пашне», где «каждый пласт огнем окован», но важно увидеть, какие цветовые оттенки преобладают и какова их значимость в осмыслении поэтического текста. Наконец, третья часть стихотворения расширяет пространственно-временной диапазон, является ключевой в определении темы и идеи стихотворения.

Четырехстопный ямб с женской клаузулой позволяет создать раздумчивую интонацию. Изыскана звуковая инструментовка; гласные «а», «о», «е», «ы» создают впечатление протяжности, мелодичности. Сонорные «л» и «р», шипящий звук «ш» создают воображаемые картины легкого движения ветра, шелеста листьев. Поэтична льющаяся и плавная интонация стихотворения.

Богатая цветовая палитра делает стихотворение не просто более выразительным, но и постепенно приводит к мысли об истинных ценностях в жизни человека, о торжестве пленительной красоты природы, об умении увидеть и насладиться ею. Замечая, как преображается земля в закатные часы, какое великолепие воцаряется вокруг, поэт приводит нас к мысли о красоте жизни. День сменяется ночью, желтизна дневного света – закатными красками (лиловый, розовый, багровый), - всё в природе гармонично, разумно, всему наступает своё время, свой черед. Час заката наступает и в жизни человека, но принять это без страха, как закономерность – дано не каждому. Поэт словно успокаивает читателя мыслью о том, что любое природное явление

нужно принять и найти в нём свою красоту, что человек не должен бояться старости, смерти. Познавая философию природы, человеку дано познать философию жизни:

...Но приглядишься понемногу,
На алый пласт поставишь ногу,
И с каждым шагом все бесстрашней
Идешь малиновою пашней.

Следует отметить, что пейзажно-философская лирика Марии Петровых представляет целостный и динамичный художественный мир. Цельность проявляется в живом взаимодействии, в слиянии обыденного и воздушно-романтического, земного и небесного, житейской реальности и тайны. В основании этого целостного мира находятся тема и образ русской природы, обусловленный этим мотив движения в пространстве и времени от «малой родины» (лес, поле, пение птиц и шум ручья) до мироздания, безграничной и вечной вселенной.

В одном из стихотворений поздней лирики (за два года до смерти) Ф.И.Тютчев говорит:

Природа знать не знает о былом
Ей чужды наши призрачные годы,
А перед ней мы смутно сознаем
Себя самих - лишь грезой природы.

Поочередно всех своих детей,
Свершающих свой подвиг бесполезный,
Она равно приветствует своей
Всепоглащающей и миротворной бездной.

У Ф.И.Тютчева не было иллюзий, что он познал природу. Он лишь тревожно и напряжённо всматривался в неё и задавал ей вопросы. Противоречивость тютчевских образов оказала мощное воздействие на формирование деятельного, творческого мировоззрения поэтов XX века. Тютчевские противоречия давали толчок для рождения поэтической мысли. Мария Петровых унаследовала от Ф.И.Тютчева чуткое восприятие происходящих в природе явлений, яркую художественную образность, глубокое проникновение в мир природы и души человека. Несомненно, что в творчестве Марии Петровых мы имеем своеобразный сплав традиций. Характерно, что в стихах Марии Петровых классический стихотворный «слог» несёт высокую смысловую нагрузку, становится знаком культурной памяти. Поэт обращается к подчёркнуто традиционным стихотворным размерам. А.С.Пушкин и Ф.И.Тютчев стали для Марии Петровых не только предметом любви и поэтического поклонения, но и творческого освоения их художественного опыта.

Глава 2. Основные темы и система образов в лирике Марии Петровых

§1. К вопросу о философской лирике Марии Петровых

Лирика, в силу повышенной склонности к обобщенному отражению мира и прямой медитации, более всего пересекается с философией. Философская лирика составляет суть творчества Марии Петровых, в котором органично соединились традиции классической поэзии и современной. Философская тенденция присуща всякому полноценному произведению искусства и воплощается в аксиологическом аспекте содержания. С философской лирикой мы встречаемся в разные времена в творчестве поэтов, не являющихся приверженцами какой-либо определенной философской системы. Философская лирика определяется внеличными и обобщенно-личными формами выражения авторского сознания. Часто субъект сознания в философской лирике прозрачен, не объективирован. Эта особенность характерна для философской лирики Марии Петровых. Особую роль в лирике Марии Петровых выполняет система художественных образов, которая отличается рационалистической четкостью. Заметим, что в лирике Марии Петровых основополагающей является художественная конкретизация идеи. Философская лирика Марии Петровых обогащалась на протяжении долгих лет. Немалую роль в этом сыграло обращение к теме православия, христианской веры. Религиозные начала в лирике Марии Петровых объясняются отнюдь не стремлением поиска истины. Для Марии Петровых вера – это, прежде всего, неиссякаемый источник человеческой доброты. Традиционные национальные ценности – доброта, милосердие, стойкость и бодрость духа оказываются в центре внимания поэта. Внутренний духовный мир человека становится для Марии Петровых культурной ценностью, но не предметом изучения. Обновляя проблематику русской философской мысли, Мария Петровых находит точки соприкосновения в лирике Анны Ахматовой и Марины Цветаевой.

Мария Петровых не создала оригинальной философской системы, прежде всего потому, что это и не входило в её задачи. Мария Петровых никогда не определяла даже типологию своих лирических произведений. Известно, что она не была сторонником или последователем существующих философских направлений. Однако особенность мировосприятия Марии Петровых органически сочеталась с повышенной чуткостью к общим вопросам жизни и смерти, с тенденцией осмысления мира. Доказательством этому могут являться воспоминания друзей и близких ей по духу людей, а также черновые наброски и дневниковые записи, сделанные Марией Петровых. Острым взглядом подмечала Мария Петровых бесконечный круговорот жизни, с её рож-

дениями и умираниями. Но потребовались годы, пока романтическая иллюзия, мечта о единстве с окружающим миром обрели почву зрелого жизненного опыта. Должен был совершиться глубокий душевный сдвиг, обусловленный личной драмой, драмой художника, чтобы предначертания юности стали осуществляться, чтобы окончательно определилась и окрепла философско-нравственная позиция её лирики.

Лирика Марии Петровых с самого начала складывалась как натур-философская: в центре внимания – человеческая жизнь во Вселенной. Сквозная проблема – соотношение жизни и смерти. Эта проблема занимала особое место, как в поэтическом, так и обыденном сознании Марии Петровых. В некоторой степени мироощущение Марии Петровых обнаруживает близость философии В.Соловьева, с ее верой в силу простоты. Огромное влияние на развитие философской мысли оказал М. Волошин. В 1930 году Мария Петровых отдыхала один месяц в «обители» М. Волошина, в Коктебеле. Сохранились письма Марии Петровых, адресованные М. Волошину. Жалуясь на душевымаывающую службу в «редакции одной паршивенькой газетки», вероятно, речь идет о редакции газеты «Гудок» или «Сельхозгиз», где Мария Петровых в 1930 году работала литературным сотрудником, она даёт обет: «Как бы то ни было, я непременно буду на родине стихов – в Коктебеле».¹ Тоскуя по Коктебелю, Мария Петровых посылает М. Волошину маленькую поэму «Карадаг», в которой в полной мере проявились её философские воззрения.

«Карадаг» – образец философского произведения, где автор декларативно утверждает пантеистическую идею гармонии всего сущего как нравственный и эстетический идеал. Пантеистическая философия героя воплощена в образах, которые являются ключевыми для всей лирической системы Марии Петровых. Созданная поэтом пантеистическая картина мира построена на противопоставлении двух групп образов. В одной – образы, запечатлевающие вечное творчество мирового целого (в их числе – Земля, светило, луна, душа, Бог). Образ пантеистически интерпретированного Космоса в стихотворении наполнен высоким нравственным содержанием. В группу образов, воплощающих идею единой вечной жизни, входят образы, несущие явную позитивную авторскую оценку – нравственную и эстетическую. Пантеистическая картина всемирной гармонии в стихотворении противопоставлена образу вулкана. Мысль о слиянии отдельного с общим в единой мировой жизни, художественная трактовка её в виде образа объединенного множества, где жизнь каждого существа – малая, но необходимая песчинка в необозримом и вечном космическом целом, составляет суть авторской позиции. Неслучайно в образе моря отражено сознание вечного, неповторимого. Представление о мировой жизни в

образах моря и океана уходит корнями в образ мирового океана, древних космогоний народов Азии и Европы. Поэма «Карадаг» по стилю близка к мифу. «Карадаг» Марии Петровых – это и легенда, и мифологическое противоборство двух миров. Обращает на себя внимание тот факт, что в философской лирике Марии Петровых много от пластического искусства. Она умела материализовать духовное пространство, без ущерба переводить умозрительный ряд в предметный. Метафора осязаема у неё до осязаемости. Своеобразная построена разбивка стихотворных строк подчинена сюжетной организации поэмы:

Но вспыхнул блеск зарницы черной
Из пустоты,
и пламя вдруг
Окаменело, а кричащий –
Без головы, без ног, без рук –
Обрубком вырвался из чащи
Рыданий каменных, и ветер
Вознес его на горб вершины,
И там он врос в гранит...
Из недр
К нему вздымаются руины
Пожарища...

С первого стиха до последнего сталкиваются мгновенное и вечное. Читатель способен осознанно восстановить для себя ассоциативный ряд. Посредством метафоры, идея движения как сущности жизни получает в стихотворении яркое пластическое и ритмико-интонационное воплощение. С помощью отбора деталей, повторов, разбивки строки на мелкие синтаксические и ритмические единицы и, наоборот, объединение нескольких строк в одну фразу, неожиданной сменой рифмовки, Мария Петровых передаёт ощущение своевольности и безграничности движения, отрешения от суетного, повседневного, ощущение значительности минуты прикосновения к вечности. Таким образом, время стремится к расширению до вечности – это одна из особенностей философской лирики Марии Петровых. Вечность воплощена в бесконечном и безначальном космическом времени. Художественное осмысление в нем человека позволяет Марии Петровых убедить читателя в том, что жизнь человека подобна вулканическому извержению – она масштабная, яркая, но, к сожалению, не вечная. Только Бог, только природа способны продлить человеческую жизнь. Мария Петровых тяготеет к идиллическому, умиротворённому пейзажу. Через него открывается образ Бога. Заметим, что особая содержательность рисуемых картин сближает её произведения с поэтикой символизма.

¹Петровых М. Назначь мне свиданье! - М., 2000. - С.81.

Объясняя происхождение «окаменелого костра» древнего вулканического массива Кара-Даг, Мария Петровых творит новую легенду – легенду о мятежном Серафиме-богоборце в стихотворении «Рьявол» (1931 год). В морской пучине ей чудится «рьявол» - рьяный дьявол, повелитель водных стихий. Название стихотворения привлекает своей необычностью. Будто играя морфемами слов, поэту удалось образовать существительное, значение которого определяется с первых строк.

В «Рьяволе» мы вновь замечаем свойственную Марии Петровых разбивку стихотворных строк. Следует подчеркнуть, что такой ритм использован исключительно в произведениях «волошинского» цикла.

Поездка в Крым оставила в сердце Марии Петровых заметный след. Коктебель стал для Марии Петровых вдохновляющим началом. Удивительная красота природы Крыма навевала новые образы, подсказала оригинальные поэтические решения. Но главное, обладающая повышенной чуткостью к природе, Мария Петровых подчинила поэзию не привычной строгости поэтических приёмов и форм, а многообразию, многоликости природных явлений. Отсюда и пластичность, рельефность строк, нарастающая динамика мыслей и звуков (подобно морской волне), обрыв фразы либо умолчание (подобно гулкому ветру), обилие риторических восклицаний и вопросов.

Рьявол – образ заколдованного юноши, олицетворяющего силу и непомерное стремление к свободе. Рьявол близок к образу славянского мифологического водяного демона Караконджала. Рьявол – демон, имеющий душу. В этом кроется противоречие его сущности:

Несчастный черт, безвестный бог!
Стихия стихла в нем, и разом
Он синей мукой изнемог,
До пены гневаясь...
Что разум,
Когда в тоске душа и плоть!

В стихотворении использован плеоназм. Особую роль выполняют эпитеты: «дремучий Рьявол», «грозногосый Рьявол», «несчастный Рьявол». Заметную роль выполняют в стихотворении повторы и градация образа Рьявола. Проследим эту последовательность: «рьяный дьявол, черт морской», «дремучий Рьявол», «несчастный черт, безвестный бог», «бедный черт», «грозногосый Рьявол», «несчастный Рьявол», «бог безвестный», «безумный бог». Как видим, образ Рьявола неоднозначен.

Последняя строфа по силе интонации и по эмоциональному накалу уступает первой. Меняется не только настроение стихотворения, но и лирического героя, которому Рьявол близок, прежде всего, по духу.

Риторические вопросы позволяют конкретнее представить печальный образ некогда сильного, необузданного, свободолюбивого Рьяво-

ла: «Грозногосый Рьявол, где ты?», «С какой волной ушла душа?». Заколдованный Рьявол окован сном. Это состояние передано с помощью глаголов, приближающих по смыслу сон к смерти: «качаешь», «видишь», «выдыхаешь», «изнемог», «чувствуешь», «ослабел», «залег». Эмоциональный накал достигается риторическими восклицаниями:

Но отзовись мне, бог безвестный!
Проснись хоть раз, одетый бездной,
Безумный бог!

Рьявол становится для лирического героя мистическим символом. В стихотворении нашли воплощение религиозно-мистические системы начала XX века. Возможно, что в этом проявилось влияние самого М.Волошина. Известно, что Киммерия – образ, который проходит через всё творчество М.Волошина, наполняя его мифологическими, философскими, топографическими реалиями Крыма (цикл «Киммерийские сумерки», «Киммерийская весна»).

В «волошинском» цикле Мария Петровых стремится к смысловой точности, зрительной яркости и объёмности образа. В её стихотворениях рождается философия любви к прекрасному, рождается близость к природе, её многоликости и естественности. Волошинскую «обитель» воспевала Мария Петровых и в других, созвучных стихотворениях: «Коктебель», «Меня оброс дремучий воздух», «Давид», «Адо-рай» (неоконченная поэма), «Мне вспоминается Бахчисарай», «Акварели Волошина». Все эти стихотворения датированы 1930-1934 гг. М.Волошин стал для Марии Петровых вдохновителем.

По проекту М.Волошина в Коктебеле был построен Дом поэта, своеобразный дом творчества. Киммерия – земля, «насыщенная» эллинизмом и развалинами Генуэзских и Венецианских башен, была создана не случайно. Будить воображение и мысль, воспевать красоту в стихах и музыке стало основным назначением Коктебеля. Даже название созвучно слову «колыбель». Действительно, Киммерия, Коктебель стали колыбелью творчества. Для Марии Петровых Коктебель и имя М.Волошина были неразлучным целым, побудившим к творчеству, к созданию в поэзии неповторимого философского голоса:

О как молодо водам под кистью твоей,
Как прохладно луне под спокойной
рукой!..

Осиянный серебряной сенью кудрей,
Возникал в акварелях бессмертный покой.
Я всем телом хотела б впитаться туда,
Я забыла б свой облик за блик на песке.
Лёгкий след акварели, сухая вода,
Я пила бы на этом бумажном листке.

(«Акварели Волошина», 1932; 2.С.79)

В стихах М.Волошина заметно увлечение новейшими течениями русской и западноевропейской поэзии и живописи. В них переплетается влияние русских символистов и французских поэтов-парнасцев, проявляется стремление познать судьбы мира, историю человечества, проникнуть в смысл его предназначения на земле. «Акварели Волошина» Марии Петровых – это гимн поэту. Для Марии Петровых М.Волошин был, прежде всего, талантливым художником слова, он смог запечатлеть на художественном полотне не только красоту природы Коктебеля, но и создать особый поэтический стиль и язык. В стихотворении «Акварели Волошина» Мария Петровых использует емкие яркие сравнения:

Воплоти, что в мечтаньях Господь созерцал:
Бурногорье, похоже на Карадаг,
Где вода, словно слиток бездонных зеркал,
Где луна лишь слегка золотит полумрак.

Особое место в философской лирике Марии Петровых занимает стихотворение «Мне вспоминается Бахчисарай...», которое мы также относим к «волошинскому» циклу. Необходимо заметить, что воспоминания о Карадаге связаны у Марии Петровых именно с Бахчисараем. У А.С.Пушкина Бахчисарайский фонтан – образ многофункциональный. Во-первых, – это единственное, связующее звено между авторским и сюжетными планами. Во-вторых, – это образ, несущий в себе легендарность. Выведение образа фонтана на первый план помогло А.С.Пушкину усилить легендарность поэмы. В-третьих, Бахчисарайский фонтан – это образ-символ, причем символ неоднозначный. Фонтан у А.С.Пушкина становится олицетворением покоя и мира, и, хотя одновременно он является и символом «воспоминаний тайных» (заметим, «тайных», а не печальных), поэма в целом приобретает оптимистическое звучание. В «Бахчисарайском фонтане» А.С.Пушкин выдвинул антиромантическую концепцию восприятия мира и человека.

В стихотворении Марии Петровых «Мне вспоминается Бахчисарай...» в центре внимания находится мысль о тождественности света и жизни. Свет в стихотворении – признак не только жизни, но и добра. Следует заметить, что свет и мрак уравниваются как две противоборствующие силы. Но для Марии Петровых одно не противопоставлено другому, и в том, и в другом она видит жизнь.

Свет и мрак будто соседствуют друг с другом, но сила света значительнее, поскольку создает цветовые оттенки: «На синем море – полумесяц Крыма» (доминируют ассоциативные краски золотого, желтого); «Долины сребролунная полынь» (слияние серебристого и золотого). Только море погружено во мрак, только ветер нарушает «медлительную тишину пустынь»:

И только ветер здесь неукротим:
Повсюду рыщет да чего-то ищет...
Лишь море может сговориться с ним
На языке глубоководной тьмы.

Ночь расцвечена красками и звуками, имеет свою силу, свет и красоту. Абсолютное преобладание света в Животворном Космосе Марии Петровых заключает мысль о том, что красота природы вечна, она не знает смерти. Не случайно, что Карадаг – «самозабвенный край» сравнивается с молодостью. Для Марии Петровых познание истины кроется в познании радости. Радость рождает прикосновение к неизведанным граням природы – живой и нетленной красоты. Мечта о гармонии человека с миром раскрывает в стихотворении надежду на соединение чувственного и духовного. Свет ассоциируется с торжеством познания истины, счастьем духовного просветления. Большую роль в идейно-образной системе стихотворения Марии Петровых выполняет образ света. Заметим, что образ света несёт концептуальную нагрузку в системе ключевых образов подсистемы Животворного Космоса.

Тема смерти и бессмертия в лирике Марии Петровых раскрывается в стихотворении «Коктебель». Философская мысль звучит здесь отчётливо. Марии Петровых было 22 года, когда она побывала в Коктебеле. Времяпровождение её, по-видимому, не отличалось от других: прогулки, чтение книг из волошинской библиотеки. Как и многие, Мария Петровых собирала разноцветные камни, изредка выбрасываемые на берег морской волной. Мария Петровых жила в посёлке, но часто бывала в доме поэта. Сохранились фотографии, на которой она вместе с М.Волошиным, его женой и их гостями: поэтом А.Минихом, композитором А.Шеншиным, художницей Е.Ребиковой. 17 марта 1931 года Мария Петровых напишет М.Волошину письмо: «Если бы знали Вы, как глубоко благодарна я Вам за Ваше отношение ко мне, как бесконечно дорожу я Вашим высоким вниманием. И жить, и писать могу, когда думаю о Вас».¹ Летом 1931 года Мария Петровых хотела вновь посетить Коктебель, но поездке помешал недостаток средств. 30 сентября того же года она пишет очередное письмо М.Волошину, в котором искренне признается, что тоскует о нём и о Коктебеле. И как «фактическое доказательство» своей тоски посылает ему свою маленькую поэму «Карадаг». Летом 1932 года Мария Петровых вновь собирается в Коктебель. Она пишет в письме М.Волошину: «Мне пришлось пережить трудную зиму. Трудно и душевно, и телесно – я почти все время болела. Теперь я здорова, чувствую себя хорошо и очень хочу к вам, мои дорогие».² 11 августа 1932 года Мария Петро-

¹Купченко В. М.С.Петровых в Коктебеле. // Петровых М. Назначь мне свиданье! - М., 2000. - С. 81.

²Там же. - С.82.

вых пишет «Акварели Волошина», а в этот день и в эти часы М.Волошин скончался в Коктебеле. По-видимому, до того, как Мария Петровых получила горестную весть, создается другое стихотворение «Перед смертью».

Смерть М.Волошина глубоко потрясла Марию Петровых. Она пишет М.С.Волошиной горячие слова утешения: «Я всей душой с Вами... Только любовь пусть будет в сердце Вашем, только любовь, но не отчаяние, не уныние. Сохраните для всего мира, для будущих людей все, что создано им: его рисунки, его стихи... Ведь его еще не знают по-настоящему. Но узнают! И будут любить глубоко».¹ В начале 1933 года в Москве состоялась встреча Марии Петровых с вдовой поэта. В мае 1933 года Мария Петровых пишет ей письмо: «Так хотелось бы мне быть сейчас в Коктебеле – вдохнуть полной грудью, до конца. Для меня только там это возможно. А как хочется распрямиться во весь рост и вздохнуть – до отказа...».²

Стихотворение «Коктебель» состоит из восемнадцати четверостиший, объединённых одной темой. Обращение к Коктебелю сменяется описанием его неповторимой красоты и рожденных чувств. Стихотворение привлекает чарующей пластикой, музыкальностью, которая создается волнообразным движением интонационных подъемов и спадов. Интонация опирается на ритмику четырехстопного ямба. В стихотворении очевиден конфликт между чувственным и духовным восприятием мира, между прошлым и настоящим. Изобразительная сила стихотворения обусловлена подбором ярких метафор, метафорических эпитетов: море – «дрожит мирьядами сердец», «кустов испуганная стая металась», «врубались» ураганы.

Воспоминания о Коктебеле рожают противоречивые чувства: тоску по прошедшим дням, восторг и глубокое переживание, грусть от того, что уже ничего нельзя повторить вновь. Восхищение красотой Коктебеля рождает новые образы, создает неповторимую картину, некогда подсказанную фантазией и воображением художника:

...Узнаю берег, на котором
Бродил усталый Одиссей.

Великой Мстительницы милость
Он верным сердцем призывал,
И дева светлая спустилась
На голубые глыбы скал.

Море не только будило воображение, но и подсказывало художни-

¹Купченко В. М.С.Петровых в Коктебеле. // Петровых М. Назначь мне свиданье! - М., 2000. - С. 81.

²Там же. - С.82.

ку слова, новые поэтические идеи. Великолепие окружающей природы вдохновляло на создание лирических произведений, овеянных романтическими мотивами:

О, палестинская долина,
Ответствуй мне, не по тебе ль
Шла так недавно Магдалина...
Меня ты помнишь, Коктебель?

Но мне роднее крови – море
Дрожит мирьядами сердец.
И, разгораясь в грозном споре,
Швыряет берегу венец.

Неповторим образ земли, которая наделена у Марии Петровых способностью чувствовать. Не случайно рельеф земли сравнивается с почерком поэта («беззвучный зов» её – с незаконченным произведением). Мир природы сливается с миром человеческих страданий, с глубокими раздумьями поэта.

Стихотворение «Коктебель» датировано 1930 годом. Ранняя лирика Марии Петровых отмечена обращением к мотиву смерти (в этом сказалось и предчувствие личной драмы). Марию Петровых интересовала философия антропокосмизма, концептуальные положения которой, всё чаще звучали в начале тридцатых годов XX века. Не быть пассивным созерцателем, а поддерживать живую деятельность мысли, навеянную природой, понять роль человека в истории и грядущей судьбе Космоса – эти проблемы волновали Марию Петровых. Своим творчеством она утверждала мысль о разумном, сердечном отношении к живой природе. Поскольку именно природа вдохновляет поэта, она и является для него первичной ценностью.

Стихотворение «Коктебель» отличает своеобразная звуковая структура. Особую нагрузку несут шипящие и свистящие согласные, а также сонорные «р» и «л». Аллитерация заметна в следующих стихах:

«Верни меня в **предгорье рая**»;
«Враждебный ветер **укротив**»;
«Смерчем бессмертной **красоты**»;
«Шел, верно, **родовой раздор**»;
«Чтоб вы**травились ветром скверны**»;
«И, **разгораясь в грозном споре**»;
«Вдруг белым **облаком исчезла**»;
«Вцепляться **пальцами в постель**»;
«Великой мстительницы **милость**»;
«На голубые **глыбы скал**».

Следует подчеркнуть, что Мария Петровых уделяет пристальное внимание звуковой организации стиха, которая становится смысловым фактором и оказывает сильнейшее воздействие на значение слов. Во многих стихах обнаруживается явное предпаронимическое напряжение, однако не наблюдается злоупотребление изоморфией.

Заключительные строки стихотворения звучат как клятва верности Коктебелю, подарившему незабываемые дни. Коктебель оставил заметный след в сердце Марии Петровых, несмотря на то, что судьба лишь однажды привела её в Коктебель:

В слова слагаясь еле-еле,
Шли волны голосом твоим:
Кто был однажды в Коктебеле,
Всегда томиться будет им.

Тема смерти в стихотворении «Коктебель» пересекается с мыслью о бессмертии. Божественный уголок Крыма сравнивается с раем, в котором все наполнено живительной силой. В 1969 году за десять лет до своей кончины, Мария Петровых напишет стихотворение, проникнутое глубоким трагизмом настоящего и тёплыми воспоминаниями прошлого. Это стихотворение звучит как клятва верности тому, кто был ей особенно дорог:

Нет, не поеду я туда.
Давно уже зарок положен.
Я знала Коктебель тогда,
Когда еще в нем жил Волошин.
А что там было? Синь, полынь
Да море. Небо и пустыня.
Там и теперь все та же синь,
Но нет пустыни, нет полыни.
Стекло блистают корпуса,
Тесня волошинскую дачу,
И первобытная краса
Исчезла. Все теперь иначе.
Туда на бархатный сезон
Литературная элита
Съезжается, держа фасон...
Исчез мой давний сон,
Но все, что было, не забыто.

(«Нет, не поеду я туда», 1969; 2.С.308)

Таким образом, целый ряд стихотворений Марии Петровых можно причислить к циклу произведений под общим заголовком – «волошинский» цикл. В этом цикле нашли отражение философские темы

смерти и бессмертия, творческой одухотворенности, близости природы и человеческого бытия. Важно подчеркнуть, что стихотворения указанного выше периода являются своеобразным продолжением начатой ещё в 1927 году темы творческого обретения. В этой связи необходимо остановиться на стихотворении Марии Петровых «Звезда».

С 1927 года Мария Петровых обучается на Высших государственных литературных курсах в Москве. 1927 год станет для Марии Петровых необыкновенно плодотворным. Она ещё не занимается переводами, много времени проводит с друзьями. Стихотворения того периода не содержат социальных тем и социальной проблематики, не отличаются поиском новых поэтических форм, не претендуют на оригинальность стиха. Но уже видна глубина мысли, стремление обозначить свое будущее, которое не представлялось Марии Петровых вне творчества, вне поэзии.

Стихотворение «Звезда» наполнено пророческим предзнаменованием. Условно стихотворение можно поделить на три части, каждая из которых представляет собой вариант будущей жизни поэта. При этом выделяются следующие ключевые строки:

А я, крутясь, прильну ко дну,
Солёной смерти отхлебну...

...Сорвусь – и оземь. В пышный снег.
И там раздавит человек.

Но может быть ещё одно
(О если б это суждено):
Дрожать, сиять и петь всегда
Тебя, тебя, моя звезда!

(«Звезда», 1927; 2.С.15)

Первая часть стихотворения наиболее насыщена образительно-выразительными средствами: «кровь земная замрет», «затуманятся лучи», «жадный океан». Для стихотворения характерна неоднократная смена интонации. Обращает на себя внимание, что лексическая простота, чуждающаяся «украшающих» метафор и эпитетов, выдвигает на первый план напряжённое движение чувства, лишённое каких-либо образительно-выразительных эффектов. Однако в стихотворении выделяются строки, несущие смысловую нагрузку: «Я прочеркну себя в ночи», «Я кану в жадный океан», «А я, крутясь, прильну ко дну», «Я кровь последнюю плесну». В этом наблюдается своеобразная игра с глаголами: «прочеркну», «кану», «прильну» (ко дну), «плесну». И как противопоставление звучат глаголы «дрожать», «сиять и петь» в последней строфе. Анафорические строки в третьей строфе подчеркивают антитезу.

Судьба поэта непредсказуема. Одним суждено оставить заметный след, но в то же время, быть замеченным как звезда, отражённая на

ству, любовь к поэзии, да и само пожизненное поэтическое вдохновение зародилось у Марины Цветаевой и Марии Петровых ещё в детстве. Умение передавать свои чувства о реально увиденном и пережитом – характерная черта двух поэтесс.

Природа философских воззрений Марии Петровых изначально восходила к культурным традициям православия. Мария Петровых никогда не скрывала, даже в самые суровые для неё жизненные моменты, своего отношения к Богу. Она всегда оставалась истинно верующим человеком, чьи помыслы и поступки были оправданы «велением Божьим». Религиозность Марии Петровых не является уходом от жизненных тревог и забот в сферу идеального. Здесь ощущается стремление к духовному преодолению жизненных испытаний, ведь уныние – один из самых тяжких грехов, разрушающих представление о справедливости мироустройства. Ещё в детские годы Мария Петровых воспитывалась в атмосфере любви, взаимопонимания, искренней веры в Бога.

У ранней Марины Цветаевой гораздо больше стихотворений, где она обращается к Богу. У Марины Цветаевой, как и у Марии Петровых обращение к Богу связано с пережитыми воспоминаниями детства. В стихотворении Марины Цветаевой «Рождественская дама» находим обращение к Божьей Матери.

Мария Петровых, принимая один за другим удары беспощадной судьбы, стойко переживала все обрушившиеся на неё невзгоды, проявляя при этом христианское долготерпение. Бог существовал для неё только в одном смысловом единстве: Бог – жизнь. В одном из стихотворений позднего периода «Когда молчанье перешло предел» Мария Петровых использует прием персонификации. Наделяя лирическую героиню чертами страдающего и смиренного человека, Мария Петровых словно открывает неизведанный мир человеческой души. И здесь особый философский смысл. Душа остается в человеке до тех пор, пока в нём живет Бог, следовательно, Бог даёт жизнь и наделяет человека душой. Только истинно верующему дано услышать и приблизиться к Богу. Мария Петровых часто обращается в своих стихотворениях к Богу. Глубоко верующий человек, Мария Петровых уяснила для себя великую истину: «Не вспоминай Бога всуе!» Но поэзия не была для неё суетой, только смыслом жизни. Наделённая Божьим даром владения поэтическим языком, Мария Петровых имела право обращаться к Богу посредством поэтического слова:

Как же это я в живых осталась?
Господи, но что со мною случилось?
Господи, но где же я была?
Господи, как долго я спала.
Господи, как страшно пробужденье,
И такое позднее – зачем?

... Только лес еще остался лесом,
Только небо, облака, ручьи.
Господи, коль мне еще ты внемлешь,
Сохрани хоть эту благодать...

(«Ужаснулась, опомнившись едва...», 1967; 1.С.122)

За что мне, Господи, такие муки!
Убил бы сразу, только и делов
О Господи, мой Боже не напрасно
Правдивой создал ты меня и ясной
И с детства научил меня слагать
Слова...Какую даровал усладу!
(«Уж лучше бы мне череп раскроили...», 1976; 2.С.366)

Иное отношение к Богу было у Марины Цветаевой. Обращаясь в «Молитве» к Христу, Марина Цветаева признаёт Высшую силу. Но в своём «жажде чуда» Марина Цветаева вряд ли остается добродетельной христианкой. Одно дело, когда мученики за веру желали смерти как избавления от страданий или, наоборот, как добровольное принятие мук во имя Христа. Совсем по иным мотивам молит о смерти Бога лирическая героиня Марины Цветаевой:

Христос и Бог! Я жажду чуда
Теперь, сейчас, в начале дня!
О, дай мне умереть покуда
Вся жизнь как книга для меня.

7 марта 1914 года Марина Цветаева в письме к Розанову признавалась: «Слушайте, я хочу сказать Вам одну вещь, для Вас, наверное, ужасную: я совсем не верю в существование Бога и загробной жизни».¹ Безусловно, что такое заявление не позволяет сделать однозначных выводов о безбожии Марины Цветаевой. Здесь привычной для начала XX века, и особенно для 1910-х годов, эпатаж в духе футуристов (следует учитывать, что эти строки Марина Цветаева написала одному из крупнейших религиозных мыслителей того времени – в этом проявилась особенность Марины Цветаевой идти наперекор всему и удивлять людей). Однако следует заметить, что в отличие от семьи Марии Петровых, в семье Марины Цветаевой христианское вероучение было на последнем месте. Доказательством этому могут служить воспоминания сестры Марины Цветаевой – А.И. Цветаевой, которая, как известно, стала глубоко религиозным человеком впоследствии: «Но мы в вопросе о Боге сдались бездумно и скоро... отвело нас от Бога и молитв – легко, так легко, может быть, оттого, что, в

¹Цветаева М.. Сочинения: В 7 т. - М., 1994. Т.VI - С.120.

смотря на «разность» подхода в изучении темы творчества, Мария Петровых и Марина Цветаева нашли единство в определении значимости веры в Бога для поэта. Мария Петровых высоко оценивала талант Марины Цветаевой, неоднократно подчеркивала, что Марина Цветаева – поэт сильный и глубокий. Мария Петровых близко приняла гибель Марины Цветаевой и посвятила ей ни одно стихотворение. В 1975 году она вновь возвращается к драматической развязке жизни Марины Цветаевой, доказывая тем самым близкое родство душ, поэтическое единение:

Не приголубили, не отогрели,
Гибель твою отворотить не сумели.
Неискупаемый смертный грех
Так и остался на всех, на всех.
Господи, как ты была одинока!
Приноровляясь к жизни жестокой ...
Даже твой сын в свой недолгий срок –
Как беспощадно он был жесток!
Сил не хватает помнить про это.
Вечно в работе, всегда в нищете,
Вечно в полете...О, путь поэта!
Время не то и люди не те.

(«Не приголубили, не отогрели», 1975; 2.С.364)

В лирике двух поэтов центральное место занимала проблема духовного мира человека, выделялся, прежде всего, трагический аспект существования, сложные, противоречивые отношения личности с действительностью. Философия веры и поиска смысла жизни – стали определяющими в философской лирике Марии Петровых и Марины Цветаевой.

В 1957 году Мария Петровых создаёт стихотворение «Черта горизонта», с ярко выраженными элегическими чертами. Стихотворение состоит из пяти строф, каждая из которых представляет четверостишие. «Черта горизонта» – это лирическое рассуждение о смысле жизни, наполненное настроением грусти и печали. Однако здесь нет исполненного тоски монолога по ушедшей молодости, скорее размышление о быстротечности времени. Что разделяет жизнь и смерть? У Марии Петровых ответ неоднозначный – черта горизонта, черта, до которой долгий путь – так кажется в молодости. Время стремительно гонит человека по этому пути, навстречу горизонту. Но со временем границы стираются и вот уже «низко плывут облака». Непролитые слёзы – оксюморон, который звучит философски убедительно. В семидесятые она напишет:

Не лётся больше кровавых рек,
Не снится больше кровавый бриг,
Но разве я человек?
Струится кровь, но тайком, тайком,
И не рекою, а ручейком.
О ком горевать, о ком?
О ком – я знаю наперечет
И умоляю, а кровь течет,
И вот я почти одна.
Но всё ж не напрасно, не зря живу,
Я жертвы великие назову,
Великие имена.

(Из дневниковых записей)¹

Личное горе сливается у Марии Петровых с горем общим. Молодость прошла в страданиях, а в старости суждено было забвение. Хотя к этой мысли Мария Петровых относилась спокойно. Позднее она скажет об этом так: «При жизни я была так глубоко забыта, // Что мне посмертное забвенье не грозит». Чем больше потерь становилось в её жизни, тем быстрее приближалась она к черте горизонта:

Так много любимых покинуло свет,
Но с ними беседуешь ты, как бывало,
Совсем забывая, что их уже нет...
Черта горизонта в тумане пропала.

«Черта горизонта» – это не метафора смерти, а своеобразный делитель между прошлым и будущим. Мария Петровых не делила свою жизнь на отрезки времени. Она стоически, мудро относилась ко всему, что касалось жизни. Мария Петровых смогла сохранить в сердце столько человеческого тепла, сколько хватало на самых близких и родных ей людей, а таковых, по воспоминаниям друзей и современников, было немало. Здесь важно подчеркнуть, что при всей «изменчивости» жизни, Мария Петровых оставалась верна себе. О характере, о жизненной позиции Марии Петровых, как правило, говорили и говорят одинаково хорошо: «А еще она умела сорадоваться. Сопечалиться умеют многие. Если человеку плохо, сказать слово утешения не так уж трудно. Куда труднее разделить радость, искренне, по-настоящему. Для этого надо быть начисто лишённым зависти. Мария Сергеевна обладала редким даром сорадования».² И всё же главная черта Марии Петровых – это постоянство, неумение делить на категории и группы людей, не желание проводить черту между прошлым и будущим, либо прошлым и настоящим:

¹Петровых М. Избранное. - М., 1991. - С.353.

²Горская Н. День прошедший - день сегодняшний. // Петровых М. Назначь мне свиданье! - М., 2000. - С.279.

Тем проще, тем легче её перейти, –
Там эти же рощи и озими эти ж ...
Ты просто её не заметишь в пути,
В беседе с ушедшим – её не заметишь.

Заметим, что в этих поэтических строчках слышится философия восприятия жизни как таковой, весьма близкая по мысли философской работе К.Э. Циолковского: «Как бы ни были коротки периоды жизни, повторяясь бесконечное число раз, они в сумме составляют бесконечное субъективное и абсолютное время. Оно никогда не прекращается и не прекращалось. Прошедшее так же беспредельно, как и будущее. ...Чувство жизни никогда не прекращается, хотя с каждой смертью или рождением испытывает резкую перемену. ...Каждая из частных жизней представляется в виде волны в бесконечном ряде волн. Действительно, жизнь-волна – имеет начало и конец, и есть один период из множества их. Все эти периоды, в сущности, довольно однообразны: счастье, довольство, сознание Вселенной, сознание своей нескончаемой судьбы, понимание истины, которая есть верный путь к поддержке космоса в блестящем состоянии совершенства».¹ С точки зрения жанрово-стилевых особенностей, стихотворение Марии Петровых «Черты горизонта» можно отнести к жанру элегии, ибо мы видим глубину рассуждений, близких к философскому миропониманию.

Мастерство Марии Петровых ощущается не только в выборе «правильной», элегической интонации, но и в умелом использовании изобразительно-выразительных средств и стилистических приемов. Особую роль в стихотворении выполняет многофункциональное тире, характерное для лирики Марии Петровых. Заметим, что в стихотворении ощущается особый звуковой рисунок, который создаётся с помощью шипящих «ш», «щ» и сонорного «р». Аллитерация придаёт стихотворению интонационную выразительность:

«...мир непохож
На **п**режний, и **с**ердце твоё до**г**орает.»;
«**П**рямую и **р**езкую **г**рань гор**р**изонта»;
«**Ч**ерта гор**р**изонта в тумане **п**ропала».

В стихотворении пространство и время не ограничивается понятиями «здесь» и «сейчас». В стихотворении нет тревожных раздумий, но размышление строится от развёрнутой цепочки мыслей-переживаний, образных ассоциаций до подчёркнутого философского осмысления. Во многом сочетание трёхстопного и четырёхстопного амфибрахия с пиррихией создает строгий ритмический рисунок. Элегические сти-

хотворения Марии Петровых построены на сочетании пластической изобразительности, звуковых и зрительно-живописных образах. Однако элегические переживания не сводятся к мотивам грусти, тем более – безнадежной тоски и уныния. В них всегда ощутимо просветление, преодоление кажущейся безысходности, питаемое верой и надеждой, успокоением.

В дневниковых записях Марии Петровых находим стихотворение, близкое по стилю элегии, одновременно ярко выраженного социального характера. Глубоко переживая обернувшиеся трагедией для России исторические катаклизмы, которые привели к разрушению церквей и храмов – символов духовности, Мария Петровых испытывает бесконечную боль и печаль, тревогу и беспокойство. Она грустит, жалеет и тревожится об утрате истинных духовных и нравственных ценностей. Мы считаем целесообразным процитировать эти строки без должных сокращений:

Что помнится? Торцовая Тверская,
И Иверской мерцанье свечек ярых,
Садовое кольцо – кольцо бульваров,
.....
Как быстро сгнуло твоё величье,
Как быстро изменила ты обличье,
Полвека – малый срок
.....
Не зная, не любя,
Калечили тебя, Москва родная,
Увечили тебя.
.....
Вдыхая жадно пыль твоих развалин,
Как, вероятно, был доволен Сталин,
Что нет Москвы
.....
Я в ранней юности ещё застала
Следы былых веков.
.....
Их поубавилось, но было много,
И колокольный звон
Ещё звучал, хоть глухо и убого,
Почти не запрещён.
На Якиманке он звучал по-царски,
Весь воздух серебра.
Езжал на Якиманку Луначарский
Послушать звонаря.
.....

¹Русский космизм: Антология философской мысли. // Циолковский К.Э. Картинное изображение чувственной жизни атома. - М., 1993. - С.275.

Он был от Станиславского, из МХАТа,
И очень знаменит.
Глубокий, переливчатый, богатый,
Тот звон в ушах стоит.
То новой власти было лишь начало, —
Девятая весна
Давным-давно та церковь замолчала,
Быть может, снесена.

(1.С.365)

Философские мироощущения находят своё продолжение, как в раннем творчестве Марии Петровых, так и в позднем. В 1968 году судьба подарила Марии Петровых счастье, когда вышла в Ереване первая книга её стихов «Дальнее дерево». «Дальнее дерево» — это и название одноимённого стихотворения, ставшее в сборнике основополагающим. Дальнее дерево — образ-символ поэтического творчества. Изнывающее, тоскующее, одинокое дерево, несмотря ни на что, ощущает себя живым. В различных культурах мировое древо связует земное и сакральное пространство, время и вечность. В стихотворении эта абстрактная идея получает своё наглядное воплощение. Удивительно точные поэтические сравнения, многозначные метафоры, усиливающие эмоциональность, повторы — всё это придает стихотворению философское звучание. Риторические вопросы заставляют читателя не просто размышлять, не просто чувствовать, а дают возможность проникнуться мыслью и чувствами автора. Есть в стихотворении «Дальнее дерево» что-то особенно трагическое, необъяснимое. Трепещущее дерево, страдающее дерево — это горькое ощущение ненужности человека, чья жизнь посвящена высокому предназначению — поэзии.

Стихотворение «Дальнее дерево» состоит из восьми четверостиший. Первая строфа представляет собой описательную картину. Риторический вопрос позволяет расширить границы общего плана, и уже во второй строфе внимание сосредотачивается на образе дерева: «Когда в саду не ветерка, // Оно дрожмя дрожит...». Примечательно, что тавтологическое сочетание «дрожмя дрожит», использованное как стилистический приём усиливает конкретизацию образа. Умолчание позволяет домысливать состояние, характерное, скорее, для человека. Так намечается аллегорический образ. Заметим, что в четвертой строфе и в восьмой заключительной внимание приковано к одной и той же строке: «Там сходит дерево с ума». Не сразу становится понятен смысл этих слов. Олицетворение «очеловечивает» образ дерева, передаёт состояние, свойственное одушевленному предмету.

Использованное в восьмой строфе сравнение отождествляет образ дерева и лирической героини:

Там сходит дерево с ума
При полной тишине.
Не более чем я сама,
Оно понятно мне.

В начале стихотворения нет намёка на эмоциональное состояние лирической героини, лишь последняя строфа передаёт душевное напряжение, помогает сблизить две похожие истории жизни: жизни дерева и жизни поэта. Дерево корнями вросло в землю: «Оно бы радо убежать, // Да корни глубоки». Такими же прочными корнями связана жизнь поэта с творчеством, с поэзией. Очевидно, что «молчание», определившее судьбу Марии Петровых, подобно «полной тишине», в которой «сходит дерево с ума». Заметим, что смысловая нагрузка передана одной поэтической строкой: «Не более чем я сама». Образ дерева предстаёт перед читателем весьма зримо, наглядно, почти как в эпическом произведении. Но в этом проявляется предельная изобразительность, характерная для лирики Марии Петровых. Эмоциональная насыщенность создаётся за счёт повторов целой синтаксической конструкции и риторических вопросов. Эмоциональный характер усиливается и ритмической организацией — чередованием четырехстопного и трехстопного ямба. Мужская рифма придаёт стихотворению ритмическую завершенность.

В самом названии «Дальнее дерево» лежит метафора жизни художника слова, метафора самой судьбы Марии Петровых. Она подобна дереву в дальнем углу сада, к которому не пролегла проторенная тропинка. Её поэзия рождалась в «полной тишине», подчас приходилось испытывать страх за себя, за дочь, за тех, кто был дорог. Писать стихи — было сродни подвигу. Сборник «Дальнее дерево» позволил, наконец, рассказать читателю правду о нелегкой судьбе поэта, о том, как «в гробовом молчании могильном» рождались стихи, о том, как невыносимо было для художника это молчание.

§2. Своеобразие любовной лирики Марии Петровых

Верная последовательница А.С.Пушкина, Мария Петровых воспринимала от него не только широту философского взгляда на мир, но и умение делать достойным поэзии все: и «жизни мышью беготню», и жгучие политические проблемы современности, и, безусловно, глубокие человеческие переживания. Мария Петровых считала единственным «гениальным читателем Пушкина» Анну Ахматову. В 1977 году Мария Петровых напишет следующее: «Точность ее /Ахматовой/ прозрения ни с кем не сравнима. Она – дар Пушкину, драгоценный дар (особенно если подумать о беспомощности пушкинистов профессионалов). Дело не только в «силе родства биографий» – в силе ее несравненной любви к Пушкину и несравненном понимании». Марию Петровых и Анну Ахматову сближало многое: сопричастность судеб, поэтическое предназначение, но, в первую очередь, глубокое, искреннее чувство друг к другу. Мария Петровых посвятила несколько своих стихотворений Анне Ахматовой. В них и признания, и поддержка, и чувство искренней, родственной душевной связи:

Ты сама себе держава,
Ты сама себе закон,
Ты на все имеешь право,
Ни за кем нейдешь вдогон.
Прозорлива и горда
И чужда любых иллюзий...
Лишь твоей могучей музе
По плечу твоя беда,
И – наследственный гербовник –
Царскосельский твой шиповник
Не увянет никогда.

(«Посвящение А.Ахматовой», 1963; 2.С.248)

Анна Ахматова советовалась с Марией Петровых по поводу своих переводов. Мария Петровых отмечала, что Анна Ахматова переводила «легче, естественнее, когда ей поэт нравился, и напряжённо – когда был далёк (а приходилось ей переводить не всегда близкое и нравившееся – надо было жить и помогать сыну)». Для Анны Ахматовой были ценны все замечания Марии Петровых. Анна Ахматова была бесконечно благодарна ей, была добра к Марии Петровых, делая ей бесценные подарки: покупала у букинистов свои ранние книги и дарила ей с автографом. В 1957 году Мария Петровых в доме Ардовых Анна Ахматова подарила великолепный перстень. Борис Пастернак тогда уговорил Марию Петровых принять этот подарок. Перстень до сих пор хранится у дочери Марии Петровых. Анна Ахматова

говорила о симпатии к Марии Петровых, высказанной Осипом Мандельштамом. Как известно, сохранился снимок, на котором изображены все трое. У Осипа Мандельштама есть посвящение Марии Петровых, точнее стихотворение, ею навеянное. Это, видимо, она «мастерица виноватых взоров». В последней строфе было названо имя Мария, но сохранились такие строки:

Наша нежность – гибнущим подмога.
Надо смерть предупредить – уснуть.
Я стою у твердого порога –
Уходи, уйди, еще побудь.

(О.Мандельштам, 1934; 2.С.94)

Ко всему, что касалось жизни и работы Анны Ахматовой, Мария Петровых относилась с повышенным интересом, как к источнику душевных сил. Лев Озеров в своих воспоминаниях о Марии Петровых отмечает: «Осанка, оберегаемая боязнью суесловия, гордость женщины и поэта, долготерпение, навык принимать в сердце свои и чужие страдания, ... привычка больше терять, чем приобретать, внешне – степенность, - все это заметно перекликалось с Анной Ахматовой».¹ Перекличка очевидна и в поэтике творчества. Драматизм, действительность высшего порядка – одиночество, боль слышаться в стихах Марии Петровых: « ... Я потеряла друга, мужа, брата, // Я получала письма из-за гроба». Трагичны строки Анны Ахматовой:

Муж в могиле,
Сын в тюрьме.
Помолитесь обо мне.

Анну Ахматову и Марию Петровых любовь к поэзии роднила больше, нежели ощущение переживаемого личного горя. Стремление совершенствовать свой стих, открывать новые поэтические горизонты стало для них смыслом жизни. И как истинно талантливые поэты, они возвращались всякий раз к мысли о едином поэтическом пространстве, о необходимом явлении, когда художники слова разных эпох, разных мировых культур, не договариваясь друг с другом, испытывали потребность говорить о вечных ценностях: любви, жизни, смерти...

Однако основное место в лирике Анны Ахматовой и Марии Петровых, бесспорно, занимает тема любви:

В своём отношении к любви Мария Петровых исходит из положения, что земной любви предопределено быть роковой. О любви Мария Петровых говорит, объединяя светлые и темные силы в вечной борьбе. Стихотворения Марии Петровых о любви наполнены философс-

¹Озеров Л. Чистый голос. // Петровых М. Назначь мне свиданье! - М., 2000. - С.183.

ким звучанием. Большая часть любовной лирики Марии Петровых носит ярко выраженный музыкальный характер («Ты думаешь, что силою созвучий», «Не взыщи, мои признанья грубы», «Любовь, о любовь, ты опять, опять!», «Воротись! Еще рельсы остыть не успели»).

Лирическая героиня Анны Ахматовой в стихотворении «Как невеста получаю каждый вечер по письму» способна прощать, любить и с гордостью, по-женски расставаться. Нерукотворно безыскусное, почти бессловесное стихотворение Анны Ахматовой находит своё продолжение в стихотворении Марии Петровых «Стихов ты хочешь?». Любовная лирика Анны Ахматовой и Марии Петровых отмечена высоким благородством, большой нравственной чистотой. Обе смогли открыть новые оттенки чувства, воплотить их в простой и строгой, лаконичной и индивидуальной форме. Из объекта поэтического чувства женщина, благодаря Анне Ахматовой, стала в поэзии лирическим героем. По примеру Анны Ахматовой дар поэтического слова обрели её бесчисленные подражательницы, торопившиеся излить в стихах интимные переживания женской души. Мария Петровых не являлась последовательницей и уж тем более подражательницей Анны Ахматовой. В её стихах о любви женское чувство имеет общечеловеческое звучание. Образ возлюбленного возникает в её стихотворениях о любви такими же скупыми, зрительно ясными и, вместе с тем, психологически значительными чертами, как и у Анны Ахматовой:

Твои глаза – предвестье гроз,
Мой рок, моя судьба...
Глаза! – Разросшаяся ночь,
Хранилище зарниц.

(М.Петровых)

Лишь смех в глазах его спокойных
Под легким золотом ресниц

(А.Ахматова)

Портрет героя представлен чаще всего в сжатой психологической формуле или в прямой моральной характеристике:

«Развратник, лицемер, ханжа...»

(М. Петровых)

«Ласковый, насмешливый и грустный»

(А.Ахматова)

Марию Петровых и Анну Ахматову сближало тяготение к повествовательному сюжету, не случайно ранние стихотворения Анны Ахматовой часто называли лирическими повестями, миниатюрными стихотворными новеллами.

Стихотворение Марии Петровых «Назначь мне свиданье...», которое Анна Ахматова называла «шедевром русской лирики», потрясает особым накалом чувств, драматической страстью. Это стихотворение-мольба, стихотворение-закливание. В отчаянной просьбе лирической героини, в её неоднократном повторении скрыто настоящее, сильное чувство и явно ощущается вся боль души, сердечный надрыв – особенно при воспоминании о том времени, когда любовь была взаимна:

Назначь мне свиданье
в том городе южном,
Где ветры гоняли
по взгорьям окружным,
Где море пленяло
волной семицветной,
Где сердце не знало
любви безответной.

Использование анафоры, необычное деление стиха создают особый, напряжённый тон стихотворения. Обращает на себя внимание эпитет «семицветная», объясняющий и передающий настроение героини. Символична цифра семь, но в данном случае «семицветная волна» - волна, переливающаяся всеми цветами радуги, волна, приносящая счастье. Реальность представляется убогой и серой («домики серые», «улучки узкие», «пейзажи и впрямь были бледны и жалки»). Какой же должна быть любовь, чтобы этот мир засиял, засверкал «семицветьем», а самые обыденные, «низменные предметы» приобрели новый смысл и форму:

Но вспомни, что даже на мусорной свалке
Жестянки и склянки
сверканьем алмазным,
Казалось, мечтали о чём-то прекрасном.

Согласно лирическому сюжету стихотворения, герои поднимаются в горы (прямой смысл), а любовь переносит их в даль заоблачную – горы высокие, а «поцелуй поднебесный» влечёт ещё выше. «Свет и воздух» - вот что такое любовь в поэзии Марии Петровых. Без любви героиня не может жить, без свидания с любимым жизнь превращается в серые будни, потому что без любимого ей трудно дышать («Мне трудно дышать без твоей любви»; «пока еще дышим»; «мне трудно дышать, я молю о спасенье»). Эта нехватка воздуха почти физически ощущается при чтении стихотворения. Особенно чувствуется это в последнем четверостишии, когда появляется «лишняя» пятая строка (будто произносящей свой монолог женщине необходимо перевести дыхание).

Расширение диапазона поэзии, явившееся следствием перемен в мироощущении и миропонимании Марии Петровых, не могло, в свою очередь, не повлиять на характер и тональность собственно любовной лирики. Следует заметить, что стихотворения Марии Петровых о любви музыкальны, это выражается и в композиции, и в ритмическом построении, и в умелом использовании тропов. Стихотворение «Ты думаешь, что силою созвучий», датированное 1941 годом, привлекает интересным поэтическим решением. Композиционно оно состоит из четырех строк, каждая из которых начинается словами: «Ты думаешь...». Примечательно, что интонация при этом меняется: то спокойная, то обвиняющая, то понимающая. В каждой строке два последних стиха противопоставлены двум предыдущим: «Ты думаешь...» – «Не думай так...». Обращение выражено в форме предположения (в первых двух строках), в свою очередь, в третьей и четвертой строке наблюдается не только отрицание. Особая интонация придаёт высказыванию поясняющий характер:

Ты думаешь, что силою созвучий
Как прежде жизнь моя напряжена.
Не думай так, не мучай так, не мучай, –
Их нет во мне, я как в гробу одна.

(1.С.21)

«Границы», разделяющие лирическую героиню и возлюбленного, определяются, в большей степени, разностью мироощущения и мироприятия. В основе стихотворения конфликт и всякий намёк на него отсутствует, однако через ярко выраженный чувственный мир лирической героини приоткрывается природа несовпадений, разность восприятия любви. В выражении своих чувств лирическая героиня открыта, она спешит выплеснуть свою душу, считает нужным останавливаться на переживаниях. Отсюда и обилие тире – знаки паузы, во время которой оценивается результат действия:

Ты думаешь – пустой, ничтожный случай
Соединяет наши имена.
Не думай так, не мучай так, не мучай, -
Я – кровь твоя, и я тебе нужна.

Любовь в стихотворении Марии Петровых предстает как «поединок роковой», но ристалищем становится душа, в которой живут стремления к единению. Каждое слово в стихотворении приобретает колоссальное значение, оно переполнено смыслами. Все недосказанное с легкостью дочувствуется, додумывается. Для Марии Петровых любовь – это высшее проявление чувственности. Любовь остается жить и после смерти, в этом есть что-то шекспировское. Любовь способна приобретать другие формы жизни, но она вечна:

Ты думаешь о горькой, неминуемой,
Глухой судьбе, что мне предрешена.
Не думай так: мятется прах летучий,
Но глубь небес таинственно ясна.

Любовь – это тот изначальный духовный элемент, который связывает между собой, сводит воедино все бесчисленные проявления макрокосмоса (Вселенной) и микрокосмоса (человеческой личности). Любовная лирика – непосредственный отклик поэта на самые сокровенные факты его биографии. В стихотворении Марии Петровых «Ты думаешь, что силою созвучий» легко угадываются биографические факты. Ко времени создания стихотворения Мария Петровых пережила сильное потрясение – гибель мужа. Были минуты, когда горе не давало покоя, когда отчаяние душило, когда вдохновение уступало место смятению. Отсюда так драматично восприятие стихотворения. Уже первая строка помогает передать состояние удрученности, печали, одиночества. Настроение передано и с помощью емких эпитетов: «безвестности дремучей», «ничтожный случай», «глухой судьбе», «прах летучий». Перед нами стихотворение-мольба, обращенная к самому дорогому, близкому и любимому человеку, жизнь которого оборвалась, но память о нем жива в сердце. Обилие сонорных, шипящих и свистящих звуков, открытые гласные вторят интонации.

В 1943 году Мария Петровых создает стихотворение «Любовь, о любовь, ты опять, опять!». Отталкиваясь от биографических сведений, мы можем предположить, что рождению этого стихотворения способствовало вновь обретенное чувство любви. Однако здесь не ощущается восторженная радость, переполняющая сердце. Стихотворение наполнено светлой печалью и в то же время тревогой, некой растерянностью. Стихотворение привлекает внимание необычной композицией. Три строфы - четверостишия, сменяются двестишием, которые образуют последние пять строк. Очевидно, что такое построение во многом определяет интонационный рисунок. Вновь в стихотворении Марии Петровых мы замечаем многофункциональное тире: оно подчёркивает ритм стихотворения, выделяет главные слова и дает возможность сопоставить важные для автора понятия и эмоции. За паузой, которой требует тире во многих стихотворениях Марии Петровых, скрыт целый мир: увидеть его, пережить должен читатель. Для воссоздания этого мира у поэта нет времени (его влечёт бурное течение жизни), нет необходимости (ведь каждый может сделать это в своём воображении). Отсюда возникает хрестоматийное: «Над вымыслом слезами обольюсь». Паузы не замедляют темпа, а передают пульсацию желаний автора. Противоречивые чувства преодолевают лирическую героиню:

О стыд! Мне бы надо глаза отвести
От пламени этих глаз
И – сил не хватило. Сердце, прости,
Жажда замучит нас.

Стихотворение «Любовь, о любовь...» – это монолог мятущейся души, оно наполнено камерной интимностью, одновременно выражает чувства обеспокоенности лирической героини. Страх, переполняющий сердце лирической героини, – это страх женщины, которая боится обрести счастье и вновь его потерять. «Поединок роковой», борьба с самой собой, поиск правды чувств – основа стихотворения. Любовь не означает только гармонию, только чувствование. Любовь у Марии Петровых – это почти всегда тревожное чувство, сопряженное с поиском смысла жизни, с поиском истины, правды жизни. В этом проявляется философское мировосприятие. Даже в ранней любовной лирике Марии Петровых мы не найдем эмоционального восторга, радости, ликования. В этой связи обратимся к стихотворению «Помнишь ночь? Мы стоим на крыльце...» (1939г.). Стихотворение, на первый взгляд, просто и лишено романтического налёта. Небогатая событиями история разворачивается на бытовом фоне: «крыльцо», «студеная изба». По существу, о чувствах ничего и не говорится, они настолько растворились во внешних деталях, что последние могут в полной мере рассказать и о любви, и о нежности, и о страсти. За мельчайшими фрагментами жизни, выхваченными памятью, стоят глубокие, сильные переживания. Заметим, что и здесь светлые чувства сопряжены с предчувствием, с ожиданием приближающегося разрыва. У Марии Петровых любовь – это мир чувств, выступающий в гармонии с миром природы. Природа способна подсказать и предсказать, она всегда оживает в лирике Марии Петровых – это, как уже отмечалось, является характерной чертой художественного мира Марии Петровых. В стихотворении «Помнишь ночь? Мы стоим на крыльце...» образ ночи выступает как двоякий образ – зрительный и навеянный лирической героиней. Счастье рождает в памяти героини образ «доброй» ночи. Таким образом, картины природы в стихах Марии Петровых соответствуют душевному состоянию лирической героини. Состояние окружающего мира прямо переливается в человека. Вечный драматизм и гармония вселенной отражаются во внутреннем мире. Следует подчеркнуть, что в любовной лирике Марии Петровых тонко передаётся внутреннее состояние, душевный настрой человека. Любовная лирика Марии Петровых глубоко психологизирована. Заметим, что у Марии Петровых сугубо индивидуальные проявления личности воспринимаются как важные и достойные внимания. Не случайно так тонко передаются даже самые незначительные переживания. Внутренний мир человека, индивидуальный психологический процесс становится основным предметом поэтического выражения.

В стихотворении Марии Петровых «Не взыщи, мои признанья грубы...» лирическая героиня испытывает самые сильные ощущения любящего человека: у неё «пересыхают губы», «заходится дыханье», «глаза застилают слезы от одной лишь мысли» о возлюбленном. Использование эпифоры «от одной лишь мысли о тебе» подчеркивает остроту и силу переживаний. Мольба о любимом становится основным содержанием, смыслом ее бытия. Развернутые сравнения придают стихотворению эмоциональность и глубину. «Грубые» признанья героиня сравнивает со своей судьбой, возможно, с «неумело» прожитой жизнью. В заключительном четверостишии Мария Петровых использует аллегорию: «не беда, что сад мой смяли грозы». Невольно возникает ассоциация – не просто сад, а сад души. Чувство героини подвергается испытанию, ее любовь не безмятежна, и все равно «глаза... застилают слезы от одной лишь мысли о тебе». Раскрывая чувства лирической героини, Мария Петровых находит цепочку ассоциаций в природе бытовых вещей и живописных пейзажных картин, тем самым, стихотворения превращается в «нанизывание ассоциаций по сходству»¹, в бесконечный поиск «выражения для невыразимого»². В любовной лирике Марии Петровых перед читателями возникает образ независимой и свободной личности.

Мы уже отмечали, что в любовной лирике Марии Петровых светлые и печальные чувства лирической героини не рожают ощущений переживаемого трагизма. Любовь оказывается сильнее смерти, сильнее времени. Заметим, что время – вечно поэтическая тема и философская категория в лирике Марии Петровых выражается как категория относительная, преломляющаяся в человеческой душе. Любовь – это чувство вечное, хотя и не постоянное, но живое, наделенное человеческими свойствами. Именно такой предстает любовь в стихотворении «Помнишь ночь?»:

Обратимся к стихотворению «Светло ль ты, солнце и лучисто ли». Перед нами история встречи – грустная, незамысловатая, но привлекающая тихим лиризмом. В основе стихотворения воспоминание о пережитом сливается с настоящим. Композиционно стихотворение представляет собой одну строфу, включающую двадцать четыре стиха. Однако условно («событийно») строфа делится на три части: встреча – воспоминание – мысли. Стихотворение построено как беседа лирической героини с самой собой, что привносит в текст особую доверительно-интимную интонацию. Мир сердечных воспоминаний более реален, чем сиюминутная обыденность:

¹Якобсон Р. Работы по поэтике. - М., 1974. - С.174.

²Там же.

И это не влюбленность по уши,
Но ответ рокового дня,
Но сад волшебный, где никто уже
Вас не отнимет у меня,
Где молчаливыми аллеями
Вам счастливо идти со мной,
Где об руку идем, лелеемы
Завороженные луной.

(1.С.20)

Примечательно, что в первых строках содержится «двойное» обращение – к солнцу и к возлюбленному, обращение, которое объясняет в некоторой степени природу чувств лирической героини:

Светло ль ты, солнце, и лучисто ли
И прежний ли ты держишь путь,
Когда, меня завидев издали,
Вы рады в сторону свернуть?

Пространство расширяется в последующих строках, но интонация не меняется, а лишь приобретает качественный оттенок драматических переживаний.

Обращает на себя внимание тот факт, что начало стихотворения обогащают риторические вопросы, а риторические восклицания венчают финал строки.

Заметим, что переживания лирической героини подчеркнуты глаголами: «не решаюсь посмотреть», «заговорю», «закусывая» («губы в кровь»). Лексически неоднороден строй стихотворения, от эпитета «ненужная любовь» до неологизмов, тяготеющих скорее к просторечиям: «невзвижу» («света белого»), «лелеемы» («завороженной луной») или просто – «влюбленность по уши». Это отнюдь не случайность. Такое лексическое разнообразие позволяет передать искренние чувства лирической героини, которые близки к смятению, беспокойству. Подчеркнем, что вновь заметную роль выполняют у Марии Петровых тире. В стихотворении использовано умолчание, которое позволяет читателю представить, домыслить ощущения лирической героини. Безысходность, безнадежность ситуации, внутренняя скованность, какой-то сомнамбулический автоматизм движений лирической героини передается и подчеркивается не только непосредственно через образительно-событийный ряд, но и самой структурой стиха, его звуковой организацией, с помощью различных повторов: анафор, аллитераций. Особенно выделяется в стихотворении звук «л»:

«Светло ль ты, солнце, и лучисто ли»;
«Где молчаливыми лллеями».

Лирическая героиня не отказывается от своих чувств, не пытается искать оправданий, не выражает обид – в этом искреннее благородство. Любовь облагораживает человека и, несмотря на страдания, делает его выше и сильнее низменных чувств – обиды, мести. Такая скрытая философия свойственна любовной лирике Марии Петровых.

В лирике пятидесятих-шестидесятых годов отношение к любви у Марии Петровых почти не изменяется. Безусловно, что лирическая героиня предстает уже зрелым человеком, но сохранившим в сердце любовь и, как прежде, выше ханжества, предательства. Заметим, что в любовной лирике Марии Петровых любви всегда сопутствует правда. В этом суть философии Марии Петровых – только открытость чувств, только искренность, только правдивость. Лирическая героиня Марии Петровых всегда остаётся верной себе, своим чувствам.

Стихотворение «Ты отнял у меня и свет и воздух» создано в 1958 году. Здесь мы не увидим переживаний лирической героини, на первый план выступает сам факт пережитых когда-то чувств. По тональности стихотворение наполнено конкретным смыслом. Заметим, что стихотворение начинается с обращения, которое является одним из ярко выраженных свойств лирики Марии Петровых. Обращение выступает в форме вопроса, однако синтаксически вопрос не оформлен, звучит как повествовательное предложение:

Ты отнял у меня и свет и воздух,
И хочешь знать – где силы я беру,
Чтобы дышать, чтоб видеть небо в звездах,
Чтоб за работу браться поутру.

(1.С.96)

В последующих строках впечатление о некогда пережитых драматических днях лирической героини создается с помощью анафоры.

Казалось бы, как противоречива мысль о том, что «силы» черпаются в отчаянье, но, сколько в словах убедительности, действенной силы. Даже твердый сонорный «р» придает стихотворению особое звучание. Идея стихотворения заключается в том, что настоящая любовь требует огромной внутренней силы, стойкости духа.

Для Марии Петровых любовь имеет высшее предназначение. Несмотря на драматические и порой трагические развязки, в своих стихах она призвала оставаться верным своим чувствам, своему сердцу. Но главное, что в любовной лирике Марии Петровых прослеживается и мысль о необходимости прощения. Простить – подняться выше пустых, ничемных свойств человека, простить – это, прежде всего,

понять. Лирическая героиня готова любить вопреки, потому как сила эта дана свыше. Внутренняя стойкость, гармония с самим собой, умение прощать, всецело отдаваться этому чувству – вот те главные составляющие, которые определяют силу любви. Для Марии Петровых любовь всегда неотделима от жизни. Подчас любовь – это жертва. Умение жертвовать – это проявление стойкости духа и верного сердца. В стихотворении «Я равна для тебя нулю» доминирующей является мысль о необходимости быть верным своему чувству. Восьмистишие передает эмоциональное состояние героини – одиночество, грусть, но только не уныние. Важно отметить, что даже самые трогательные, самые грустные и проникновенные стихи о любви у Марии Петровых всегда звучат оптимистично. Любовная лирика Марии Петровых глубоко психологизирована. Образ лирической героини в стихах о любви не является статичным, но всегда остается глубиной искренних чувств, сопряженная с драматическими событиями. И хотя лирическая героиня отличается от биографического автора, многие черты ее мироощущения близки настроениям самой Марии Петровых. Переживаемые чувства, ставшие основой любовной лирики Марии Петровых, весьма реалистичны. Она не прибегает к мифологизации образов, за редким исключением обращается к образам и персонажам литературным, она создаёт свою историю любви, в которой всегда заметны открытость чувств, проникновенность строк, лирическое звучание, а главное – философская осмысленность и глубокое понимание самой идеи любви.

Заключение

Поэтическое наследие, оставленное Марией Петровых, невелико, но мы можем утверждать, что перед нами даровитый поэт, наделённый талантом большого художника. В 1970 году Марии Петровых присваивается звание заслуженного деятеля культуры Армении. Через девять лет в январе 1979 присуждается премия СП Армении имени Е.Чаренца, а 1 июня 1979 года Мария Петровых скончалась от тяжелой болезни. О её таланте заговорили в полный голос лишь в конце XX века, когда в 1991 году вышла первая книга её стихов «Избранное». Мария Петровых прошла непростой путь нравственно-эстетических, духовных, религиозно-философских исканий. Молодость и расцвет её сил пришлось на тридцатые годы, и террор не обошел её семью. В стихах Марии Петровых запечатлена драма художника, который вынужден молчать, чтобы не лгать. Современники, пытаясь объяснить основу её творчества, нашли верную строку, характеризующую отношения поэта со Словом - «домолчаться до стихов» (из стихотворения Марии Петровых «Одно мне хочется сказать поэтам...»). Каждое слово её стихотворений действительно веско и продуманно. Эстетически поэтическая личность Марии Петровых была нацелена на выражение только главного и самого тайного, невероятно сложного для обиходного восприятия и необходимого для духовного развития - «Умейте домолчаться до стихов».

Трагедия Марии Петровых состоит в том, что личное горе стало камнем преткновения на пути обретения творческого счастья. Мария Петровых долгие годы не имела возможности найти путь к своим читателям, так как путь этот был прегражден ещё в сороковые годы.

Мария Петровых смогла в полной мере возродить и обновить поэтические традиции русской литературы XIX-XX веков. Мария Петровых, продолжая традиции А.С.Пушкина, утверждала собственные литературные позиции. Переключка стихотворений Марии Петровых с произведениями А.С.Пушкина обнаруживается как на тематическом уровне, так и на образном.

В пейзажной лирике Марии Петровых нашли своё достойное продолжение поэтические традиции Ф.И.Тютчева. Мария Петровых превращает пейзажную зарисовку в метафорически осмысленную картину философского размышления. Сочетание пластической изобразительности, звуковых и зрительно-живописных образов - становятся определяющей чертой лирики Ф.И.Тютчева и Марии Петровых. Следует заметить, что природа в лирике Марии Петровых наделена человеческими свойствами: она сочувствует, жалеет, утешает, даёт успокоение и тихую радость. Душа поэта и душа природы неразделимы, и в

этом единстве видится абсолютная гармония. Пейзажные зарисовки в лирике Марии Петровых неотделимы от раздумий о смысле и тайне творчества: таинственный, гармоничный мир природы рождает высокий философский строй мыслей, что придает особую одухотворенность, органичность, смысловую законченность лирике Марии Петровых.

Тематика стихотворений Марии Петровых весьма разнообразна. Особую значимость в творчестве Марии Петровых приобретает тема любви. В развитии этой темы заметна перекличка с Анной Ахматовой. Любовная лирика Марии Петровых, близкая к философскому и духовно-нравственному определению, отмечена не только художественным своеобразием, но и глубоко проникновенным философским мироощущением.

В стихах Марии Петровых переданы не только личные чувства, но и чувства миллионов её сограждан: жгучая ненависть к войне, к врагу, горечь утрат, страдание и тревога, не отпускающие ни на миг («Я думала, что ненависть – огонь...», «Ночь на 6 августа», «Ревет, и воет, и дымится», «Чистополь», «Апрель 1942», «Севастополь», «Проснемся, уснем ли – война, война»).

Поэзия Марии Петровых вбирает в себя разные философские идеи и категории. Определяя основные черты поэтического мира Марии Петровых, мы делаем вывод, что философские категории – красота, любовь, мир, поэзия воплощаются в лирике Марии Петровых с наибольшей силой. Всепроницающая стихия музыки, стихии света и тьмы, правды и лжи – всё это формирует художественное пространство и время в мире поэта, обуславливает целостность восприятия и образного воплощения создаваемой художественной реальности. На развитие философской лирики Марии Петровых огромное влияние оказала поэзия Максимилиана Волошина.

В лирике Марии Петровых особую значимость приобретает духовно-нравственная тематика. Религиозность не является уходом в сферу идеального, для Марии Петровых христианская вера становится основой мировосприятия. В этой связи обнаруживается соприкосновение с творчеством Марины Цветаевой. Мария Петровых сохранила и приумножила в своём творчестве традиции русской поэтической классики, обогатив собственную лирику в жанровом и стилевом единстве. Весьма широк жанровый диапазон лирики Марии Петровых. Сохраняя традиционные поэтические жанры, Мария Петровых нередко использует сознательную жанровую трансформацию. Часто в стихотворениях Марии Петровых соединение неожиданных эпитетов и образов создаёт разностороннюю характеристику предмета. Встречаются составные эпитеты, обладающие поэтической конкретностью.

Классические связи слов разрушаются при помощи инверсий, повторов, перифраз, рассечения фразовых единств. Пристальное внимание уделяет Мария Петровых интонации и звуковой организации стиха.

Мария Петровых создала свой поэтический язык, отличный от языка Анны Ахматовой и языка Марины Цветаевой. Поэзию Марии Петровых отличает внутренний динамизм, поступательный характер творческого роста. Необходимо подчеркнуть, что следование традиции не приобретало у Марии Петровых экспериментальный характер. Стремление к расширению собственных поэтических границ сочеталось с тяготением к классическим традициям. Новаторство в сочетании с верностью традиции стали характерной чертой лирики Марии Петровых.